

Европейский Суд по правам человека¹ (Третья Секция), заседая 31 августа 2006 г. Палатой в составе:

г-на Б.М. Зупанчича,
Председателя Секции Суда,

г-на Дж. Хедигана,
г-на Л. Кафлиша,
г-на В. Загребельского,
г-жи А. Гюлумян,
г-на Э. Мийера,
г-жи И. Зиемеле, *судей,*
а также при участии г-на В. Берже, *Секретаря Секции,*

учитывая упомянутую выше жалобу, поданную 9 мая 2003 г.,

учитывая решение о частичной приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу от 25 марта 2004 г.,

учитывая замечания, представленные государством-ответчиком и ответные замечания заявителей,

учитывая комментарии, сделанные от имени Российской Федерации с точки зрения пункта 1 статьи 36 Конвенции,

проведя совещание по делу, вынес следующее решение:

ФАКТЫ

Первый заявитель (Сергей Викулов) родился в 1955 году в Венгрии. Вторая заявительница (Галина Викулова), которая является его супругой, родилась в 1957 году в России. Третий заявитель (Антон Викулов) является их сыном и родился в 1986 году в Риге. Все трое — русские. По данным, которыми располагает Европейский Суд, они в настоящее время проживают в Калининграде (Россия).

В Европейском Суде заявителей представляют г-н В. Портнов, юрист, практикующий в Москве, и его помощник, г-жа М. Самсонова. Государство-ответчик представлено его уполномоченным представителем г-жой И. Рейне. Поскольку на основании пункта 1 статьи 36 Конвенции власти Российской Федерации воспользовались своим правом на вступление в производство по делу в качестве третьей стороны, они представлены г-ном П. Лаптевым, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

А. Обстоятельства дела

Вот краткое изложение фактов по данному делу в том виде, в каком они были представлены сторонами.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ПО ВОПРОСУ О ПРИЕМЛЕМОСТИ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ ПО СУЩЕСТВУ

жалобы № 16870/03

Сергея ВИКУЛОВА и других заявителей,
поданной против Латвии*

1. Предыстория дела

Офицер Советской Армии, проходящий службу в Калининграде, первый заявитель женился на второй заявительнице в 1977 году. В 1978 году, то есть в следующем году, также в Калининграде, у заявителей родилась дочь Янина. В 1985 году два первых заявителя переехали в Латвию, которая в то время входила в состав Советского Союза. Сначала туда переехала Галина Викулова с дочерью, а через несколько месяцев к ним присоединился Сергей Викулов, который получил новое назначение в качестве офицера Советской Армии. В том, что касается родителей второй заявительницы, они проживали на территории Латвии с 1979 года. Первый заявитель служил в основном в г. Скрунде (западная часть Латвии), где он вместе с другими военнотру-

жащими обслуживал функционирование монтируемой там в то время мощной советской радиолокационной станции.

В 1986 году у первых двух заявителей на территории Латвии родился сын — третий заявитель.

В феврале 1989 г. семье Викуловых была предоставлена «служебная квартира», расположенная в жилом районе г. Риги. Через некоторое время Викуловы были официально зарегистрированы по месту жительства, получив так называемую «прописку». До этого момента официальным местом регистрации второй заявительницы являлся г. Калининград, Российская Федерация.

В августе 1991 г. Латвия получила независимость от Советского Союза, а в декабре 1991 г. Советский Союз прекратил существование. 28 января 1992 г. Российская Федерация приняла на себя юрисдикцию в отношении Вооруженных Сил бывшего СССР, в том числе частей и подразделений, расположенных на территории Латвии. Вскоре после этого заявители выбрали гражданство Российской Федерации и получили российские паспорта.

В феврале 1993 г. первые два заявителя обратились в Департамент по вопросам гражданства и иммиграции Министерства внутренних дел Латвии [*Iekšlietu ministrijas Pilsonības un imigrācijas departaments*] (далее — Департамент) с ходатайством о предоставлении им статуса постоянных жителей Латвии и о внесении их в Реестр жителей Латвийской Республики [*Latvijas republikas Iedzīvotāju reģistrs*]. 5 марта 1993 г. Департамент отклонил их ходатайство.

¹ *Примечание редакции:* по делу заявители утверждают, что в их отношении властями Латвии был допущен целый ряд нарушений Конвенции, в частности, процедура исполнения решения об их высылке из Латвии в целом представляла собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в значении положений статьи 3 Конвенции и нарушение их права на уважение их частной и семейной жизни по статье 8 Конвенции, власти допустили также ряд процессуальных нарушений по статье 5 Конвенции, было нарушено право заявителей на справедливое судебное разбирательство, гарантированное статьей 6 Конвенции; заявители также указывают на факт дискриминации стороны латвийских властей по причине их российского гражданства и русской национальности; ссылаясь на статью 1 Протокола № 1 к Конвенции, заявители жалуются также на то, что их высылка лишила их права распоряжаться и пользоваться их собственностью, оставшейся в Латвии.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

30 августа 1994 г. Латвия и Российская Федерация подписали Договор об условиях, сроках и порядке полного вывода с территории Латвийской Республики Вооруженных сил Российской Федерации и их правовом положении на период вывода (*далее* — российско-латвийский договор). В тот же день два государства подписали два соглашения, касающихся правового статуса Скрундской радиолокационной станции на время ее временного функционирования и демонтажа (*далее* — российско-латвийское соглашение, см., ниже, раздел «Применимые к делу нормы национального законодательства и международного права»). Указанное соглашение предусматривало прекращение функционирования радиолокационной станции к 31 августа 1998 г. и ее демонтаж к 29 февраля 2000 г., соглашением регулировался также правовой статус, права и обязанности российского военного персонала, работавшего на станции.

На этот момент и вплоть до 30 ноября 1998 г. заявители проживали в Латвии, имея служебные визы [*dienesta vīsas*], выдававшиеся персоналу Скрундской радиолокационной станции в соответствии с Законом «О въезде и пребывании в Латвийской Республике иностранных граждан и лиц без гражданства» (*далее* — Закон «Об иностранцах»).

Приказом от 29 сентября 1998 г., который вступал в силу 11 ноября 1998 г., первый заявитель был демобилизован из российской армии. Срок действия служебных виз заявителей истек 30 ноября 1998 г.

В неустановленный день Янина, совершеннолетняя дочь первого и второго заявителей, вышла замуж за лицо, имеющее статус постоянного жителя Латвии. Впоследствии у них родился сын.

2. Производство по вопросу о пребывании заявителей в Латвии

В октябре 1998 г. вторая заявительница, выступая от своего имени и от имени своего супруга и сына, направила ходатайство в Управление по делам гражданства и миграции Министерства внутренних дел Латвии [*Iekšlietu ministrijas Pilsonības un migrācijas lietu pārvalde*] (*далее* — Управление), в которую был преобразован Департамент по вопросам гражданства и иммиграции, о выдаче им вида на жительство. В обоснование своего ходатайства она заявила, что ее родители, которым 65 лет и 64 года соответственно, постоянно и законно проживают в Латвии, они тяжело больны и им необходима постоянная помощь их дочери. Вторая заявительница также утверждала, что ее старшая дочь Янина обучалась в высшем учебном заведении в г. Риге, и она рассчитывала получить студенческую визу (на длительный срок); что касается третьего заявителя, то он проходил обязательное обучение в общеобразовательной общественной школе.

Письмом от 8 декабря 1998 г. Управление предложило двум первым заявителям представить документы, подтверждающие законность их доходов и факт проживания родителей второй заявительницы на территории Латвии; заявители выполнили требование Управления. Тем не менее решением от 8 апреля 1999 г. Управление отклонило ходатайство заявителей на том основании, что заявители пребывают на территории Латвии лишь ввиду военной службы первого заявителя. 16 июня 1999 г. начальник Управления направил заявителям письмо, в котором помимо прочего указывалось следующее:

«<...> Семья Викуловых переехала на территорию Латвии лишь по причине прохождения главой семьи Сергея Викулова службы в Вооруженных Силах Российской Федерации. Сергей, Галина, Антон и Янина Викуловы проживали в Лат-

вии на основании служебных виз, выдаваемых членам военного контингента Скрундской радиолокационной станции и членам их семей. С. Викулов оставил военную службу на Скрундской радиолокационной станции 29 сентября 1998 г.

На основаниях вышеизложенного, в соответствии с пунктом 1 статьи 23-1 Закона [об иностранцах], в соответствии с которым данный Закон не применяется к военным специалистам, обеспечивающим функционирование и демонтаж военного объекта Российской Федерации, расположенного на территории Латвии, Вы и Ваша семья не имеют законных оснований для получения постоянного вида на жительство в Латвии.

<...>

В соответствии с положениями статьи 38 Закона [об иностранцах] и Соглашения между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о правовом статусе Скрундской радиолокационной станции на период ее временного функционирования и демонтажа от 30 апреля 1994 г. Ваша семья должна покинуть территорию Латвийской Республики». <...>

Первые двое заявителей обратились в Центральный районный суд первой инстанции г. Риги с жалобой, требуя отменить указанное решение Управления. Решением от 9 марта 2000 г. Центральный районный суд г. Риги объявил эту жалобу неприемлемой для рассмотрения по существу, поскольку заявители не обратились сначала с жалобой в вышестоящий административный орган до подачи жалобы в суд.

Тем временем, в неустановленный по делу день Янина получила вид на жительство на основании ее семейного положения.

23 мая 2000 г. начальник Управления принял постановление о выдворении из страны двух первых заявителей, в соответствии с которыми они должны были покинуть территорию Латвии до 12 июня 2000 г., и после этого им было запрещено въезжать на территорию Латвии в течение пяти лет. 5 июня 2000 г. вышеуказанные постановления были доведены до сведения заявителей.

Заявители вновь обратились в Центральный районный суд г. Риги. В своем заявлении они указывали, что им негде проживать в России, что на иждивении второй заявительницы находятся проживающие в Латвии престарелые больные родители, и что третий заявитель родился на территории Латвии. В этой связи они ходатайствовали перед судом о признании недействительными постановлений об их высылке и принятии решения, обязывающего Управление выдать им временный вид на жительство.

Решением от 1 ноября 2000 г. Центральный районный суд г. Риги отклонил жалобу заявителей. Исходя из решения суда, отказ в выдаче вида на жительство и решение об их выдворении из страны являлись законными с точки зрения латвийского законодательства. В отношении доводов заявителей о наличии у второй заявительницы проживающих в Латвии престарелых родителей и личных связей третьего заявителя на территории Латвии, суд напомнил, что такие обстоятельства не предусмотрены в Законе «Об иностранцах» в качестве законного основания их пребывания на территории страны.

Заявители обжаловали это решение в Окружной суд г. Риги, который постановлением от 13 ноября 2002 г. отклонил жалобу заявителей и оставил решение суда первой инстанции от 1 ноября 2000 г. без изменения. Мотивировка постановления была в целом такой же, как и в решении суда первой инстанции. Окружной суд добавил также, что ссылка заявителей на статью 2 российско-латвийского соглашения в настоящем деле неприемлема, поскольку заявители не включены в список военных

пенсионеров, для которых российская сторона просила предоставить право остаться в Латвии на постоянное жительство. По мнению суда, было необходимо «принимать во внимание тот факт, что заявители проживали в Латвии не на основании временного вида на жительство, а на основании служебных виз».

После этого заявители обратились с кассационной жалобой в Сенат Верховного суда Латвии. В своей жалобе они утверждали, что Скрундская радиолокационная станция не является российской «военной базой», что они не являлись «военными специалистами» и что российско-латвийское соглашение неприменимо в их деле. Соответственно, по мнению заявителей, их дело должно рассматриваться лишь на основании общих положений латвийского законодательства.

Свои постановления, вступившим в законную силу 19 февраля 2003 г., Сенат Верховного суда Латвии отклонил кассационную жалобу заявителей по следующим основаниям:

«<...> Суд апелляционной инстанции установил, что Сергей Викулов и Галина Викулова являются гражданами Российской Федерации, пребывавшими в Латвийской Республике на основании служебных виз, которые выданы как военным специалистам Скрундской радиолокационной станции и членам их семей на срок до 30 ноября 1998 г.

Согласно пункту 2 части первой статьи 38 Закона [об иностранцах] распоряжение о выезде с требованием покинуть территорию государства выдается, если иностранец или лицо без гражданства пребывает в стране без действительной визы или вида на жительство.

Суд апелляционной инстанции, установив, что Сергей Викулов и Галина Викулова после 30 ноября 1998 г. пребывают в Латвии без действительной визы или вида на жительство, заключил, что распоряжения об их выезде были предъявлены им законно. Сенат не имеет оснований усомниться в правильности такого заключения, так как оно соответствует смыслу нормы закона и не противоречит задаче этого закона регулировать — в соответствии с общепризнанными нормами о защите прав человека — процессы, влияющие на количество жителей и структуру населения, способствуя социальному и экономическому развитию латвийского народа.

В этой связи, утверждение заявителей кассационной жалобы от том, что суд неправильно применил пункт 2 части первой статьи 38 Закона об [иностранцах], является необоснованным. Регистрация заявителей по месту жительства в Риге <...> не имеет отношения к данному делу, так как проходящие действительную военную службу военнослужащие и члены их семей должны были покинуть территорию Латвии согласно Договору между Латвийской Республикой и Российской Федерацией от 30 апреля 1994 г. об условиях, сроках и порядке полного вывода с территории Латвийской Республики Вооруженных Сил Российской Федерации и их правовом положении на период вывода. Сергей Викулов проходил службу в Вооруженных Силах Российской Федерации и со службы на Скрундской радиолокационной станции уволился 11 ноября 1998 г., а срок его служебной визы закончился 30 ноября [1998 г.]. Упомянутый Договор и Соглашение о правовом статусе Скрундской радиолокационной станции <...> не предусматривают обязательства выдавать виды на жительство после 28 января 1992 г. уволенным в запас военным и членам их семей <...>

<...>

В соответствии со статьей 39 Закона [об иностранцах] если распоряжение о выезде выдано лицу, на иждивении которого находятся другие члены семьи в Латвии, эти члены семьи также обязаны покинуть территорию страны вместе с ним <...>».

В письме от 25 февраля 2003 г. начальник Управления напомнил первому и второму заявителям об их обязанности покинуть территорию Латвии — под угрозой принудительной высылки — в соответствии со статьей 48-1 Закона «Об иностранцах».

После этого первый и второй заявители обратились в Конституционный суд Латвии [Satvermes tiesa] с жалобой, требуя объявить статьи 38 и 39 Закона «Об иностранцах» неконституционными и не соответствующими международным обязательствам Латвии. Решением от 30 апреля 2003 г. Конституционный суд Латвии объявил жалобу неприемлемой ввиду ее юридической необоснованности.

3. Производство по исполнению постановлений о выдворении заявителей из страны

Как следует из материалов дела, 14 марта 2003 г. двое первых заявителей были приглашены к начальнику Управления, который их проинформировал о том, что они должны в обязательном порядке покинуть территорию Латвии до 15 июня 2003 г., то есть по окончании учебного года; начальник Управления пояснил, что эта дата выбрана «по причинам гуманитарного характера», чтобы третий заявитель мог завершить учебный год. Заявители не выполнили это распоряжение.

9 мая 2003 г. заявители обратились в Европейский Суд с ходатайством указать государству-ответчику, что в интересах сторон и нормального производства по делу, следует воздержаться от применения в их отношении меры в виде высылки. 28 мая 2003 г. данное ходатайство было отклонено председателем соответствующей палаты Суда.

3 сентября 2003 г., в рамках исполнения вышеупомянутых постановлений о высылке, трое заявителей были арестованы компетентными должностными лицами Государственной пограничной стражи [Valsts robezsardze]. Двое первых заявителей были задержаны в 13 час. 30 мин., а вскоре после этого в средней школе, где он учился, был задержан третий заявитель и взят под стражу вместе с родителями. Пограничники сразу же составили два протокола с указанием причин и законных оснований применения меры в виде административного ареста, отметив при этом, что у заявителей не имелось действующих удостоверений личности. Заявители отрицают данное утверждение, указывая, что они не пытались утаить документы и что пограничники их у них просто не потребовали. Как утверждают заявители, поскольку протоколы были полностью составлены на латышском языке, который они не понимают, они отказались их подписывать.

Во время ареста пограничники спросили у заявителей, почему они не подчинились постановлениям о высылке, на что заявители ответили, что по-прежнему подчиняются положениям бывшего Закона «Об иностранцах», а не нового Закона «Об иммиграции», а потом сослались на настоящую жалобу, которую они только что подали в Европейский Суд. На это им было заявлено, что подача жалобы не снимает с них обязанность покинуть территорию страны.

Примерно через полтора часа после ареста заявители были помещены в изолятор временного содержания иммиграционной полиции (подразделение, входящее в систему Государственной пограничной стражи) в Риге, где и оставались до 12 сентября 2003 г.

На следующий день, 4 сентября 2003 г., региональное подразделение пограничной стражи обратилось в Управление просьбой начать процедуру исполнения постановлений о высылке. Таким образом, 8 сентября 2003 г.

Управление приняло два решения о принудительной высылке заявителей: одно в отношении первого заявителя и второе в отношении второй заявительницы и ее несовершеннолетнего сына. Данные решения прямо вытекают из пункта 1 статьи 47 Закона «Об иммиграции». Кроме того, в них указывалось, что эти решения не подлежат обжалованию и что на основании пункта 2 статьи 63 того же Закона, заявителям в течение пяти лет запрещается въезд на территорию Латвии.

10 и 11 сентября 2003 г. лейтенант пограничной стражи М.Н., которому было поручено исполнить меру в виде выдворения заявителей из страны, пытался довести вышеуказанные решения до сведения заявителей. Как следует из рапорта, представленного М.Н. по команде, он устно перевел заявителями оба решения, но последние отказались их подписывать и отказались также сообщить ему о месте, где они спрятали удостоверения личности. В своем рапорте М.Н. особо отметил «агрессивное поведение первого заявителя».

12 сентября 2003 г. заявители предстали перед судом первой инстанции Зиемельского округа г. Риги. В тот же день, в присутствии адвоката и переводчика, компетентный судья вынес два решения о заключении заявителей под стражу до 19 сентября 2003 г. В отношении второй заявительницы и третьего заявителя суд, в частности, отметил следующее:

«На основании того, что Г. Викулова и А. Викулов не выполнили распоряжение о выезде в установленный срок, 8 сентября 2003 г. [Управление] приняло решение <...> об их принудительном выдворении из страны. 10 сентября 2003 г. у Г. Викуловой была возможность ознакомиться с этим решением, но она отказалась ознакомиться с решением в отсутствие адвоката. Она пыталась связаться — в присутствии инспектора — с адвокатом, но безуспешно. 11 сентября 2003 г. Г. Викулова сообщила, что адвокат не явится, чтобы участвовать при ознакомлении с решением, но собирается принять участие в судебном заседании 12 сентября 2003 г., в ходе которого будет рассмотрен вопрос о заключении Г. Викуловой и А. Викулова под стражу. Г. Викулова отказывается объяснить, где находятся удостоверяющие личность документы — паспорта».

В тот же день, то есть 12 сентября 2003 г., заявители были переведены в центр содержания нелегальных иммигрантов «Олайне» и находились там до 15 сентября 2003 г., после чего были помещены в изолятор временного содержания г. Риги, где содержались до 17 сентября 2003 г., то есть вплоть до их выдворения из страны.

4. По вопросу об условиях содержания заявителей под стражей

а) По вопросу об условиях содержания заявителей в изоляторе временного содержания управления иммиграционной полиции (в г. Риге)

По вопросу об условиях содержания заявителей в изоляторе временного содержания по адресу: г. Рига, дом 5 улица Рудольфа, где они находились с 15 по 17 сентября 2003 г., у сторон по делу имеются серьезные разногласия, поэтому Европейский Суд будет излагать их версии отдельно.

i. Версия заявителей

Как утверждают заявители, после их ареста они были подвергнуты личному обыску без понятых. В ходе обыска они указали в соответствующих протоколах имеющиеся

у них проблемы со здоровьем. В частности, вторая заявительница отметила наличие у нее сердечного заболевания. Затем заявители были препровождены в общую камеру, в которой они содержались в течение девяти дней.

Площадь камеры составляла три на три метра и была рассчитана на четырех человек. В камере имелось небольшое окно, туалет, умывальник, очень жесткие кровати, несколько стульев и стол. Все предметы мебели были металлическими и жестко крепились к полу. Дверь камеры также была металлической, и в ней имелось небольшое отверстие, через которое заявителям передавали еду и велось наблюдение. Лампочка была включена круглые сутки. Камера была грязной и плохо проветривалась. Воздух был тяжелым и затхлым, так как туалет был прямо в камере и там же находилось помойное ведро (которое выносили достаточно редко). Поэтому заявители страдали от головных болей, головокружения и тошноты, и у них болели глаза. Поскольку у второй заявительницы была межреберная невралгия и боли в позвоночнике, жесткая кровать причиняла ей боли в спине.

Каждый заявитель получил простыню и тонкое грязное одеяло. Еда была плохого качества, безвкусной и часто несвежей. В будние дни заявителей кормили три раза в день. Завтрак подавали примерно в 10 часов утра. Он состоял из каши (либо водянистой, либо подгорелой). Обед подавался в полдень и состоял из жидкого овощного супа или из картофеля или каши с небольшим кусочком мяса, а также хлеба и чая с сахаром. И, наконец, ужин подавался примерно в 16 часов и состоял из картофеля или каши с кусочком бифштекса, а также хлеба и чая с сахаром. Заявители утверждают, что они оставались голодными по вечерам, поскольку промежутки между приемами пищи были слишком короткими. Кроме того, они утверждают, что в один из дней картофель, который они получили на ужин, имел запах плесени. В субботу и воскресенье заявители получали утром сухой паек на весь день в виде макаронных изделий и картофельного пюре быстрого приготовления в банках, которые разводились горячей водой. Как утверждают заявители, от этой пищи они испытывали боли в желудке и изжогу.

За все время пребывания в изоляторе временного содержания иммиграционной полиции, их выводили на прогулку всего два раза по 15 минут. Прогулки проходили в закрытом дворе здания, который был огорожен бетонными стенами с колючей проволокой. Вот как проходила их вторая прогулка: 9 сентября 2003 г. задержанный, помещенный в расположенную рядом камеру, стал вести себя агрессивно, кричать и производить шум, в результате чего надзиратели использовали слезоточивый газ. Газ просочился в камеру заявителей, которые сразу же почувствовали на себе его действие. Тогда они обратились к надзирателям, которые вывели их во двор, пока их камера проветривалась.

ii. Версия государства-ответчика

Государство-ответчик оспаривает утверждения заявителей и приводит в подтверждение своих слов копию письма, отправленного 19 июня 2004 г. начальником регионального управления пограничной стражи г. Риги представителю Латвии в Европейском Суде по правам человека. Вот относящиеся к делу выдержки из данного документа:

«<...> В соответствии с положениями статьи 58 Закона «Об иммиграции», до выдворения иностранцев из страны сотрудники пограничной стражи <...> имеют право изымать их личные вещи, отмечая это в протоколе <...>, что и было

сделано в данном случае (см. материалы личных дел). Во время осмотра личных вещей не было возможности привлечь к этому посторонних лиц, поскольку отделение временного содержания нелегальных иммигрантов находится на территории Генерального управления государственных пограничных сил, которое, в свою очередь, занимает помещения бывшей военной базы. Вся территория огорожена бетонным забором, допуск на объект осуществляется по пропускам, поэтому туда невозможно попасть посторонним лицам без пропуска.

При помещении семьи Викуловых в отделение временного содержания нелегальных иммигрантов г. Риги по адресу: ул. Рудольфа, дом 5, было обеспечено их право на единство семьи. Камера, в которую были помещены Викуловы, была рассчитана на четырех человек. Данное помещение вступило в строй в январе 2003 г., и оборудование камеры отвечает требованиям соответствующих нормативных документов, в которых, в частности, говорится, что задержанные должны быть лишены возможности наносить себе увечья или совершать побег (такие же помещения имеются и в полиции). Расположенные в <этих> камерах кровати снабжены металлическими рамами, а матрасы имеют покрытие из искусственной кожи, что диктуется санитарно-гигиеническими требованиями. Камеры для задержанных оборудованы системой вентиляции. Кроме того, они проветриваются и убираются два раза в день. Задержанные получают чистое постельное белье (которое поступает из прачечной общества с ограниченной ответственностью [«G.P.»]). В будние дни недели питание поставляется три раза в день обществом с ограниченной ответственностью [«P»]. Данное предприятие общественного питания снабжает также персонал пограничной стражи <...> и до сих пор не было никаких нареканий на качество еды.

<...>

Учитывая, что в выходные дни было невозможно обеспечивать задержанных <...> готовым питанием <...>, последние получали сухой паек.

В свое жалобе Викуловы указывают, что «лампочка горела круглые сутки». Данное утверждение также не соответствует истине, поскольку должностные лица иммиграционной службы обязаны следить за тем, чтобы задержанные соблюдали предписанный порядок. Ночной отдых предусмотрен с 23 час. 00 мин. до 7 час. 00 мин., поэтому в течение этого времени лампочка не могла гореть. Кроме того, электрическое освещение не включается в дневное время, когда достаточно светло и в этом нет необходимости <...>

Также не соответствует истине утверждение о том, что постороннее лицо якобы было помещено в камеру, где содержалась семья Викуловых. Как уже указывалось выше, Викуловым было обеспечено право на единство семьи. Кроме того, в период с 3 по 17 сентября 2003 г. в отделении временного содержания нелегальных иммигрантов не содержалось настолько много задержанных, чтобы возникла необходимость подселать кого-то в камеру, куда уже была помещена семья. В отделении временного содержания нелегальных иммигрантов имеются четыре камеры, рассчитанные на 11 задержанных. Помимо Викуловых в отделении содержалось:

3 сентября — 5 человек, 4 сентября — 6 человек, 5 сентября — 4 человека, 6 сентября 4 человека, 7 сентября — 3 человека, 8 сентября — 4 человека, 9 сентября — 6 человек, 10 сентября — 4 человека, 11 сентября — 5 человек, 15 сентября — 5 человек, 16 сентября — 6 человек, и 17 сентября — 6 человек.

В течение 2003 и 2004 годов отделение <...> посетили несколько послов иностранных государств, которые не высказали никаких замечаний в отношении состояния помещения и условий содержания под стражей <...>.

В период с 8 по 17 сентября 2003 г. Викуловых один раз навещали родственники, и к ним приходил атташе кон-

сульства Российской Федерации. Кроме того, один раз им была предоставлена возможность покинуть помещение для встречи с нотариусом. Им также было предложено отвезти их домой, чтобы они смогли захватить личные вещи и необходимые документы, но Викуловы ответили отказом.

<...>

16 сентября в 13 час. 50 мин. Галина Викулова пожаловалась на боли в сердце и ей была оказана необходимая помощь <...>».

В том, что касается, в частности, питания, которое получали заявители во время содержания под стражей, государство-ответчик представило копии нескольких инструкций и внутренних распоряжений, которые действовали в то время, когда происходили факты, указанные заявителями. В одном из документов задержанным предписывается следующий порядок дня: подъем в 7 час. 00 мин., затем утренний туалет и уборка камер. 8 час. 20 мин. — проверка камер. 9 час. 00 мин. — завтрак. С 10 час. 00 мин. до 16 час. 00 мин. — беседы с должностными лицами пограничной стражи с перерывом на обед с 12 час. 00 мин. до 13 час. 00 мин. Ужин в 16 час. 00 мин. и свободное время с 17 час. 00 мин. до 22 час. 30 мин. с перерывом на уборку и проверку камер. Вечерний туалет в 22 час. 30 мин. и отбой в 23 час. 00 мин. В еще одном документе указывается содержание и количество продуктов, которые задержанные получают в виде сухого пайка в выходные и праздничные дни, а именно: от 471 до 515 граммов хлеба (в зависимости от качества муки), 120 граммов макаронных изделий быстрого приготовления, 160 граммов сухого картофельного пюре, 90 граммов мясных или 150 граммов рыбных консервов, кубик бульона, 40 граммов маргарина, 20 граммов сахара и (sic) 1 грамм натурального чая.

И, наконец, в отношении медицинской помощи, оказанной второй заявительнице, государство-ответчик представило копию медицинского журнала изолятора временного содержания. Из нее следует, что по возвращении из центра содержания нелегальных иммигрантов «Олайне», вторая заявительница три раза обращалась за медицинской помощью, которая была ей оказана. В первый раз это случилось 15 сентября в 11 час. 20 мин. Заявительница пожаловалась на головные боли. Ей было измерено кровяное давление, и она получила одну таблетку спазмолгона, одну таблетку темпалгина и три таблетки панангина. В следующий раз она обратилась за медицинской помощью 16 сентября в 13 час. 05 мин. Она снова пожаловалась на головные боли и межреберную невралгию. Ей было сделана внутримышечная инъекция диклофенака. Кроме того, она получила одну таблетку темпалгина, корвалол в каплях и три таблетки паналгина. И, наконец, третье обращение имело место 17 сентября в 12 час. 15 мин. Заявительница опять пожаловалась на головные боли. У нее были также обнаружены симптомы тахикардии и «психо-эмоциональной» реакции. Ей была сделана внутримышечная инъекция спазмолгона и она получила одну таблетку нитронга, одну таблетку панангина и валокордин в каплях. Кроме того, медицинский персонал дал второй заявительнице несколько таблеток, чтобы она могла «продержаться до границы».

в) По вопросу об условиях содержания заявителей в центре содержания нелегальных иммигрантов «Олайне»

Как и в случае с изолятором временного содержания в г. Риге, по вопросу об условиях содержания под стражей заявителей в центре содержания нелегальных иммигран-

тов «Олайне» (в период с 12 по 15 сентября 2003 г.) у сторон по делу имеются серьезные разногласия.

i. Версия заявителей

Как утверждают заявители, 12 сентября 2003 г., то есть сразу после прибытия в центр содержания нелегальных иммигрантов «Олайне», их поместили в отдельную камеру с зарешеченными окнами, в которой находились три кровати с постельным бельем, два стола и несколько стульев. Из объяснений заявителей следует, что, как и в предыдущем месте содержания под стражей, туалет не был отделен от остального помещения. Стены были грязными и покрыты надписями. Заявителям был выдан паек на пять дней: 2 или 3 килограмма картофеля, 500 граммов макаронных изделий, 300 граммов риса, 3 упаковки рыбных палочек, 3 маленькие рыбки, 300 граммов растительного масла, морковь, один батон хлеба и немного специй. Они могли готовить пищу на общей кухне, расположенной вне камеры, которой пользовались еще семь человек с их этажа.

На второй день их пребывания в центре содержания нелегальных иммигрантов «Олайне» к ним в камеру был помещен еще один человек. Викуловы заявили протест и их перевели в другую камеру такого же типа, но рассчитанную на два человека, поэтому первому заявителю приходилось спать прямо на полу. Однако в своих последующих замечаниях заявители отмечают, что это произошло 16 сентября 2003 г., то есть после их возвращения в изолятор временного содержания г. Риги.

ii. Версия государства-ответчика

Государство-ответчик оспаривает версию заявителей и при этом вновь ссылается на письмо начальника регионального управления пограничной стражи г. Риги от 19 июня 2004 г, в котором, в частности, говорится:

«<...> 12 сентября 2003 г., учитывая невозможность исполнения высылки в предусмотренные сроки, <...> срок содержания под стражей был продлен до 19 сентября 2003 г. и 12 сентября 2003 г. семья Викуловых была переведена в центр содержания нелегальных иммигрантов «Олайне». Викуловы были помещены на первом этаже, где располагается («женское и семейное отделение»).

При помещении в центр на каждое лицо заводится личное медицинское дело. Во время медицинского осмотра заявителей от них не поступило никаких жалоб на здоровье. 13 сентября 2003 г. Галина Викулова обратилась за медицинской помощью (в связи с головной болью) и медицинская служба центра выдала ей две таблетки темпалгина. От Викуловых не поступало никаких жалоб на здоровье, а также в отношении условия содержания под стражей в центре.

Ни одно постороннее лицо (мужского пола) не было помещено в камеру к Викуловым, поскольку, как уже говорилось ранее, их камера располагалась в отделении «для женщин и семей». В центре имеется специальное отделение, в котором содержатся задержанные мужского пола. Помещения центра рассчитаны на 50 человек, а в сентябре 2003 г. количество задержанных не превышало 20 человек. Следовательно, не было никакой необходимости ограничивать право Викуловых на единство семьи и помещать к ним постороннего человека. Викуловых не переводили в другую камеру и они оставались в одной и той же камере в течение всего времени пребывания в центре. Ни одному из лиц, содержащихся под стражей в центре,

не приходилось спать на полу, поскольку в нем имеется достаточное количество мебели.

Туалеты находятся не в помещениях, где содержатся задержанные, а в конце коридора. Стены камер не были покрыты надписями и рисунками, несмотря на то, что ремонт не производился уже давно. <...>».

Государство-ответчик представило также фотокопию плана здания, к котором содержались заявители. Из плана следует, что туалеты находятся в отдельном помещении, расположенном в одном из его торцов.

5. Фактическое выдворение заявителей из страны

16 сентября 2003 г. заявители были предупреждены, что на следующий день состоится их высылка в Россию. Им было предложено отвезти их на квартиру, чтобы они могли захватить личные вещи на свое усмотрение, но они отказались от этого предложения. В то утро у второй заявительницы случился сердечный приступ. Был немедленно вызван медицинский персонал центра, который оказал ей первую помощь (инъекции и таблетки) до прибытия скорой медицинской помощи. Врачи скорой помощи осмотрели вторую заявительницу и заявили, что состояние ее здоровья не требует госпитализации и не может препятствовать высылке.

После этого заявители были помещены в специальный микроавтобус, который направился к российской границе. Поездка продолжалась примерно пять часов. Как утверждают заявители (что не оспаривается государством-ответчиком), это было старое и разболтанное транспортное средство без окон, снабженное двумя жесткими деревянными скамьями. В нем не было ни подлокотников, ни поручней, поэтому на поворотах заявителя падали со скамей. Два раза в течение поездки у второй заявительницы случались сердечные приступы и каждый раз вызывался врач и вторая заявительница получала необходимую медицинскую помощь.

Вечером того же дня заявители были посажены в поезд, который направлялся в г. Москву. Через некоторое время (на неустановленную дату) заявители переехали в г. Калининград, где и проживают в настоящее время.

В июне 2005 г. суд первой инстанции Видземского предместья г. Риги рассмотрел вопрос об официальном выселении заявителей из их бывшей квартиры в г. Риге. В этой связи вторая заявительница получила краткосрочную визу в консульстве Латвии, однако, несмотря на это, ей был запрещен въезд на территорию страны.

В. Применимые к делу нормы национального законодательства и международного права

1. Российско-латвийские договор и соглашение от 30 апреля 1994 г.

Соответствующие положения российско-латвийского договора от 30 апреля 1994 г. уже приводились в постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сливенко против Латвии» [*Slivenko c. Lettonie*] (жалоба № 48321/99, § 64—66, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2003-X).

Относящиеся к делу статьи российско-латвийского соглашения о правовом статусе Скрундской радиолокационной станции на период ее временного функционирования и демонтажа, которое было подписано 30 апреля 1994 г. в г. Москве, опубликовано 10 декабря 1994 г. г-

зете «Латвийяс Вестнесис» [*Latvijas Vestnesis*] и вступило в силу 27 февраля 1995 г., гласят:

Статья 1

«Настоящее Соглашение является неотъемлемой частью Договора между Российской Федерацией и Латвийской Республикой об условиях, сроках и порядке полного вывода с территории Латвийской Республики Вооруженных Сил Российской Федерации и их правовом положении на период вывода от 30 апреля 1994 г.».

Статья 2

«1. Скрундская радиолокационная станция, именуемая далее Объектом, является российским военным учреждением, находящимся под гражданским контролем. Ничто в настоящем Соглашении не может рассматриваться как наделяющее Объект статусом военной базы.

2. В состав Объекта входят сооружения, оборудование и отдельные компоненты, перечисленные в Приложении 1 к настоящему Соглашению.

3. В период своего временного функционирования Объект осуществляет радиолокационное наблюдение за космическим пространством. <...>».

Статья 6

«Численность персонала, непосредственно занятого обеспечением функционирования Объекта, не будет превышать 599 военных специалистов и 199 гражданских служащих. При этом Российская Сторона в период временного функционирования и демонтажа Объекта будет стремиться сокращать количество военных специалистов путем их замены гражданскими служащими. В качестве гражданских служащих может приниматься имеющий соответствующую квалификацию персонал из граждан Латвийской Республики и лиц, постоянно проживающих на ее территории.

Указанная численность не включает охрану Объекта, а также членов семей персонала <...>».

Статья 7

«1. Латвийская Сторона по запросу Российской Стороны выдает временный вид на жительство и другие необходимые документы, требуемые в связи с въездом, выездом, таможенными формальностями и пребыванием в Латвийской Республике граждан Российской Федерации, обслуживающих Объект, и членов их семей. На российский персонал, направляемый для работы на Объекте, распространяются общие условия визового режима Латвийской Республики, действующие на момент подписания настоящего Соглашения. Лица, имеющие служебные паспорта, получают визы бесплатно.

2. Названные в пункте 1 настоящей статьи вопросы решаются по дипломатическим каналам. Соответствующие документы запрашиваются заблаговременно, как правило, за 20 дней».

Статья 8

«1. Персонал, обслуживающий Объект, находится под юрисдикцией Латвийской Республики, за исключениями, предусмотренными пунктом 2 и 4 настоящей статьи.

2. Трудовые отношения граждан Российской Федерации, работающих на Объекте, в том числе и рассмотрение трудовых споров, регулируются законодательными актами Российской Федерации.

3. На территории Латвийской Республики уголовные и гражданские дела, а также дела об административных правонарушениях в отношении лиц, входящих в состав персонала Объекта, и членов их семей, с учетом положений пунктов 2 и 4 настоящей статьи, подлежат юрисдикции Латвийской Республики.

Лица, входящие в состав персонала Объекта и являющиеся гражданами Российской Федерации, а также члены их семей, являющиеся гражданами Российской Федерации, пользуются в учреждениях Латвийской Республики такими же процессуальными правами и обязанностями, как и граждане Латвийской Республики. <...>».

Статья 16

«1. Период функционирования Объекта завершается 31 августа 1998 г.

2. Демонтаж действующей радиолокационной станции начинается с 1 сентября 1998 г. и завершается не позднее 29 февраля 2000 г.

<...>

В период демонтажа оборудование вывозится или реализуется на месте.

<...> При наборе персонала для демонтажа предпочтение отдается жителям Латвийской Республики. <...>».

2. Закон «Об иностранцах» и решение о порядке его применения

Соответствующие положения латвийского законодательства, относящиеся к данному делу, уже приводились в указанном выше постановлении по делу «Сливенко против Латвии» (§ 49—63).

Кроме того, глава 17 данного Закона гласит:

«Гражданин иностранного государства или лицо без гражданства может получить временный вид на жительство:

1) на срок до шести месяцев;

2) на срок, определенный трудовым договором или предполагаемый необходимым для завершения работы, а также на срок обучения или проведения научных работ;

3) на срок, установленный в статьях 25 и 26 настоящего Закона [применительно к браку гражданина иностранного государства или лица без гражданства и лица, постоянно проживающего в Латвии].

В случаях, указанных в пунктах 1 и 2 настоящей статьи, временный вид на жительство выдается также членам семьи гражданина иностранного государства или лица без гражданства».

Статья 23-1 Закона «Об иностранцах», введенная Законом от 18 декабря 1996 г. и вступившая в силу 21 января 1997 г., гласит:

«Постоянный вид на жительство могут получить иностранные граждане, зарегистрировавшие свое местожительство на неограниченный срок на территории Латвийской Республики до 1 июля 1992 г., если ко времени затребования постоянного вида на жительство они были зарегистрированы по месту жительства на территории Латвии и если они были внесены в регистр жителей.

Граждане бывшего СССР, получившие гражданство другого государства до 1 сентября 1996 г., должны подать заявление с просьбой о выдаче постоянного вида на жительство до 31 марта 1997 г. Граждане бывшего СССР, получившие гражданство другого государства после 1 сентября 1996 г., должны подать соответствующее заявление в шестимесячный срок со дня получения гражданства другого государства.

Настоящая статья не распространяется на:

1) военных специалистов, направленных в Латвию для обеспечения работы и демонтажа военного [радар], принадлежащего Российской Федерации и расположенного на латвийской территории, а также гражданский персонал, направленный в Латвию с этой целью;

2) лиц, уволенных с действительной военной службы после 28 января 1992 г., если эти лица на момент призыва на

службу постоянно не проживали на территории Латвии или не являются членами семьи граждан Латвии;

3) супругов вышеуказанных лиц <...> и проживающих совместно с ними членов семьи — детей и других иждивенцев, если они прибыли в Латвию в связи со службой военнослужащего Вооруженных Сил Российской Федерации (СССР), независимо от времени прибытия в Латвию».

Решением Верховного Совета Латвии от 10 июня 1992 г. об условиях вступления в силу и о применении Закона «Об иностранцах» была уточнены рамки применения этого Закона. Граждане иностранных государств и лица без гражданства, проживающие в Латвии без постоянной регистрации на день вступления этого Закона в силу, должны обратиться с ходатайством о предоставлении им вида на жительство в течение одного месяца, начиная с этого дня, под страхом вынесения в их отношении решения о принудительной высылке.

2. Закон «Об иммиграции»

1 мая 2003 г. закон «Об иностранцах» был заменен законом «Об иммиграции» [*Imigrācijas likums*]. В период событий, о которых упоминают заявители, соответствующие статьи данного закона гласили:

Статья 47

«(1) В десятидневный срок, начиная с даты установления обстоятельств, указанных в пунктах 1 и 2 части 1 настоящей статьи, начальник Управления или иное уполномоченное на то лицо выносит решение о принудительной высылке, если:

1) гражданин иностранного государства не покинул Латвийскую Республику в семидневный срок со дня получения им решения о высылке и не подал на него жалобу начальнику Управления <...> или со дня, когда начальник Управления отклонил такую жалобу;

<...>

(2) Решение о принудительной высылке, <...> вынесенное в порядке, предусмотренном в пункте 1 части 1 настоящей статьи, не подлежит обжалованию.

<...>

(4) В случае изменений обстоятельств начальник Управления имеет право отменить решение о принудительной высылке».

Статья 50

«(1) Условия принудительной высылки граждан иностранных государств устанавливается Советом министров.

(2) Принудительная высылка граждан иностранных государств производится силами пограничной стражи».

Часть 1 статьи 51

«Сотрудники пограничной стражи Латвии имеют право производить арест гражданина иностранного государства:

<...>

3) для исполнения решения о принудительной высылке этого гражданина иностранного государства из Латвийской Республики».

Статья 52

«(1) О задержании гражданина иностранного государства [компетентный] сотрудник пограничной стражи или полиции составляет протокол задержания.

(2) Протокол задержания должен содержать: дату и место его составления; должность, фамилию и имя лица, его составившего; информацию о задержанном; дату, место и причины задержания. Протокол задержания подписывается

должностным лицом, его составившим, и задержанным лицом. Если задержанный отказывается подписать протокол задержания, об этом делается запись».

Статья 53

«В случаях, предусмотренных статьей 51 настоящего Закона, [компетентный] сотрудник полиции Латвии имеет право задерживать гражданина иностранного государства и [содержать его под стражей] не более трех часов для того, чтобы передать его пограничной страже Латвии».

Статья 54

«(1) В случаях, предусмотренных статьей 51 настоящего Закона, [компетентный] сотрудник пограничной стражи Латвии имеет право поместить гражданина иностранного государства под стражу на срок до десяти дней.

(2) Содержание гражданина иностранного государства под стражей <...> более десяти дней должно быть санкционировано решением суда. По ходатайству сотрудника пограничной стражи Латвии суд выносит решение либо о продлении срока содержания гражданина иностранного государства под стражей на срок до десяти месяцев, либо об отказе в продлении срока содержания под стражей.

(3) Если высылка гражданина иностранного государства в срок, установленный решением суда, не представляется возможной, суд по ходатайству сотрудника пограничной стражи Латвии выносит решение о продлении срока содержания гражданина иностранного государства под стражей на срок до шести месяцев, либо об отказе в продлении срока содержания под стражей.

(4) [Компетентный] сотрудник пограничной стражи Латвии может три раза просить суд продлить срок содержания под стражей на срок до шести месяцев; тем не менее, общий срок содержания под стражей не должен превышать двадцати месяцев <...>».

Статья 55

«(1) <...> Срок содержания под стражей исчисляется с момента доставления гражданина иностранного государства в местное подразделение пограничной стражи или полиции для составления протокола задержания.

(2) [Компетентный] сотрудник пограничной стражи Латвии должен доставить гражданина иностранного государства в суд в течение двадцати четырех часов до истечения срока, установленного в части 1 статьи 54 настоящего Закона <...>; в случае необходимости должен быть приглашен переводчик для оказания помощи гражданину иностранного государства.

(3) Суд незамедлительно рассматривает материалы дела, <...> дает оценку информации, представленной сотрудником пограничной стражи, равно как и доводам гражданина иностранного государства или его представителя.

<...>

(4) Копия решения суда направляется пограничной страже и гражданину иностранного государства в течение двадцати четырех часов с момента получения [судом] ходатайства пограничной стражи.

<...>

(6) Решение суда может быть отменено этим же судом по представлению прокурора; кроме того, независимо от того, принесены ли представления об отмене, такое решение может быть отменено Председателем Верховного суда Латвии».

Статья 56

«(1) В целях защиты своих законных интересов лицо, содержащееся под стражей или задержанное, имеет право подать жалобу на имя прокурора, сообщить об этом в кон-

сульство государства его гражданства и пользоваться юридической помощью. Эти права доводятся до сведения гражданина иностранного государства в момент его задержания.

(2) Лицо, содержащееся под стражей или задержанное, имеет право ознакомиться лично или через своего представителя с материалами дела, касающегося его задержания.

(3) Лицо, содержащееся под стражей или задержанное, имеет право пользоваться тем языком, который оно понимает, и, в случае необходимости, предоставляется переводчик».

Статья 59

«Гражданин иностранного государства, содержащийся под стражей или задержанный, должен быть помещен в специальное помещение, отделенное от помещений, в которых содержатся лица, подозреваемые в совершении преступлений. Гражданин иностранных государств перевозят в таких же автомобилях, в каких перевозят лиц, подозреваемых в совершении преступлений; однако граждане иностранных государств должны быть помещены отдельно от лиц, подозреваемых в совершении преступлений».

Часть 2 статьи 63

«Гражданин иностранного государства может быть внесен в список [лиц, которым запрещен въезд в Латвию], и ему может быть запрещено въезжать на территорию Латвии в течение пяти лет, если в отношении него вынесено решение о принудительной высылке».

Статья 4 Предписания № 212 от 29 апреля 2003 г. об условиях принудительной высылки иностранных граждан, о форме документа о выезде с территории Латвии и о процедуре его вынесения [*Ārzemnieku piespiedu izraidīšanas kārtība, izceļošanas dokumenta forma un tā izsniegšanas kārtība*] гласит:

«[Компетентное] должностное лицо государственной пограничной стражи доводит до сведения гражданина иностранного государства решение о его принудительной высылке на языке, который гражданин иностранного государства понимает (при необходимости с помощью переводчика); должностное лицо государственной пограничной стражи разъясняет суть решения, а также возможности его обжалования. После ознакомления с решением о его высылке гражданин иностранного государства подписывает его и получает один экземпляр решения. Если гражданин иностранного государства отказывается удостоверить посредством своей подписи то, что он уведомлен о решении, должностное лицо государственной пограничной стражи делает отметку об этом на копии решения. Гражданин иностранного государства имеет право в письменной форме изложить причины своего отказа».

Остальные положения указанного Предписания устанавливают форму и содержание документа о выезде лица с территории Латвии и процедуру, которой следует придерживаться при установлении лиц — граждан иностранных государств, подлежащих высылке из Латвии, и т.д.

4. Закон «О прокуратуре»

Относящиеся к делу положения Закона «О прокуратуре» от 19 мая 1994 г. гласят:

Части 3 и 4 статьи 6

«3. Действия прокурора могут быть обжалованы в случаях и в порядке, предусмотренными настоящим законом и процессуальным законодательством. В случаях, относящихся к

исключительной компетенции прокуратуры, жалобы должны направляться главному прокурору [*virspukurors*] прокуратуры более высокой инстанции [чем та, которая вынесла обжалуемое решение]. Действия генеральной прокуратуры могут быть обжалованы генеральному прокурору. Решения, вынесенные прокурорами более высокой инстанции, являются окончательными.

4. Прокурор более высокой инстанции имеет право рассматривать любые дела [находящиеся в производстве у прокуроров менее высокой инстанции], но не имеет права подписывать прокурору совершать действия, идущие вразрез с его совестью <...>»

Статья 9

«1. Законные распоряжения прокуроров обязательны к исполнению всеми лицами на территории Латвии.

2. Лица, уклоняющиеся от исполнения законных распоряжений прокурора, несут ответственность, предусмотренную законом».

Статья 15

«1. В соответствии с положениями, определенными законом, прокурор надзирает за исполнением наказаний в виде лишения свободы, вынесенных судами и за местами, где содержатся арестованные, задержанные и лица, находящиеся под стражей <...>

2. Прокурор имеет право и обязан принимать решение о немедленном освобождении из мест заключения или [режимных учреждений] с ограниченной свободой, содержащихся в них незаконно лиц.

3. Протест [*protests*] прокурора в отношении незаконного характера наказания, примененного в отношении лица, находящегося в местах заключения, влечет приостановление исполнения наказания вплоть до рассмотрения протеста».

Части 1 и 3 статьи 16

«1. Получив информацию о нарушении закона, прокурор проводит расследование в соответствии с порядком, определенным законом в тех случаях, когда:

<...>

2) Имело место посягательство на права и законные интересы юридически недееспособных лиц или лиц с ограниченной дееспособностью, инвалидов, несовершеннолетних, заключенных и других лиц с ограниченной возможностью защиты своих прав.

<...>

3. Прокурор также осуществляет расследование жалобы, полученной от лица, которое сообщает о нарушении своих прав и законных интересов, если данная жалоба уже рассматривалась компетентным государственным органом и заявитель получил отказ в принятии мер по пресечению нарушения, указанного в жалобе, или не получил никакого ответа в сроки, определенные законом. Подобные жалобы подаются в прокуратуру в письменном виде <...>».

Статья 17

«При рассмотрении жалобы, в соответствии с законом, прокурор имеет право:

1) истребовать и получать нормативные акты, документы и другую информацию от государственных органов <...>, а также получать беспрепятственный доступ в помещения вышеуказанных органов;

2) давать руководителям учреждений и другим ответственным лицам указания о проведении проверок, аудитов и экспертиз, а также представлении заключений и помощи со стороны специалистов <...>;

3) вызывать лицо и требовать от него объяснений в отношении нарушения закона <...>

2. При установлении факта нарушения закона и в зависимости от характера данного нарушения, прокурор обязан:

- 1) вынести предупреждение с целью прекращения нарушения;
- 2) принести протест (protests) или выдать предписание о прекращении нарушения закона;
- 3) подать иск в суд;
- 4) начать уголовное расследование;
- 5) предложить применить административные или дисциплинарные санкции».

Статья 18

«Если поведение лица имеет признаки нарушения закона либо свидетельствует о вероятности такого нарушения, прокурор направляет ему письменное предупреждение <...>».

Статья 19

«1. Протест прокурора [*protests*] возбуждается в отношении учреждений, организаций или их руководителей, если их действия не соответствуют закону. Протест направляется в то учреждение или тому руководителю, которые совершили незаконные действия, либо в вышестоящее учреждение.

2. Протест прокурора должен быть рассмотрен и о результатах должно быть доложено прокурору в течение десяти дней со дня получения протеста. Если протест был направлен в коллегиальный орган, прокурор может предусмотреть более длительный срок для его рассмотрения.

3. Если протест был отклонен или если прокурор не получил никакого ответа, последний имеет право, в течение месяца после истечения срока рассмотрения, обратиться в суд с иском о признании недействительным незаконного акта и о привлечении к ответственности совершившее его лицо. Требование прокурора, направленное в суд, приостанавливает исполнение оспариваемого акта».

Статья 20

«1. Если требуется положить конец незаконным действиям, устранить последствия таких действий либо предупредить нарушение закона, прокурор обращается <...> с письменным заявлением в <...> соответствующий орган власти.

2. Прокурор устанавливает срок исполнения предписаний, содержащихся в его заявлении, в зависимости характера выявленного нарушения и времени, необходимого для его исправления.

3. Если предписания, содержащиеся в заявлении, не были выполнены или на них не было получено ответа, прокурор имеет право обратиться в суд или иной компетентный орган с требованием привлечь соответствующее лицо к ответственности на основании закона».

5. Закон о порядке рассмотрения органами власти заявлений, жалоб и предложений граждан

Закон от 27 октября 1994 г. о порядке рассмотрения органами государственной и местными органами власти заявлений, жалоб и предложений граждан [*Iesniegumu, sudzibu un priekslikumu izskatisanas kartiba valsts un pasvaldibu institucijas*] гарантирует каждому гражданину право на получение обоснованного ответа на его обращение со стороны соответствующего органа власти (статья 1). Закон устанавливает порядок работы с заявлениями граждан и сроки ответа на их обращения. Обычно этот срок составляет 15 дней, но может быть продлен до 30 дней и более, если поднятая проблема требует проведения расследования или сбора дополнительной информации при условии, что об этом сообщается заинтересованному лицу (пункт 1 статьи 8).

С. Выводы Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП)

Во время первого посещения Латвии (в 1999 году) делегаты ЕКПП посетили отделение временного содержания нелегальных иммигрантов, которое в то время располагалось на улице Гайзина (г. Рига) (документ СРТ/Inf (2001) 27, §§ 69—82). Однако в 2002 году данное учреждение было переведено по адресу: улица Рудольфа, дом 5, и его осмотра еще не проводилось.

Во время второго посещения Латвии в период с 25 сентября по 4 октября 2002 г., делегация ЕКПП посетила центр содержания нелегальных иммигрантов «Олайн». Относящаяся к делу часть отчета об этом посещении была опубликована 10 мая 2005 г. (СРТ/Inf (2005)8) содержит следующие выводы и рекомендации [неофициальный перевод на французский язык, выполненный в Секретариате Суда]:

«<...> В. Центр содержания нелегальных иммигрантов «Олайн»

1. Предварительные замечания

43. Иностранцы граждане, незаконно пребывающие на территории Латвии, могут быть задержаны полицией или пограничниками на срок до 72 часов. По требованию прокурора данный срок может быть увеличен до десяти дней еще до принятия решения о принудительном выдворении из страны. Однако иностранные граждане, в отношении которых было принято постановление о высылке, могут продолжать оставаться под стражей, поскольку их заключение в ожидании высылки не ограничено во времени. <...>

45. Центр находится в ведении пограничников и представляет собой прямоугольное трехэтажное здание, расположенное на территории тюрьмы в Олайне (в 20 километрах южнее г. Риги). В нем содержатся как нелегальные иммигранты, так и лица, которым было отказано в предоставлении убежища. Большинство задержанных были либо гражданами одной из республик бывшего СССР, либо лицами потерявшими гражданство в результате событий, связанных с этим государством. Центр рассчитан на содержание 66 человек, но во время посещения (в 2002 году) в нем содержалось 40 задержанных (среди которых не было несовершеннолетних без родителей).

2. Плохое обращение

46. Делегация не отметила ни одного заявления в отношении умышленного плохого обращения с иностранцами со стороны пограничников в центре содержания нелегальных иммигрантов «Олайн». Оценка обращения, данная задержанными, колебалась от «достаточно хорошего» до «очень хорошего» и делегация отметила, что отношения между персоналом и задержанными являются скорее неформальными. Не наблюдалось проблем в отношении общения, поскольку весь персонал говорит по-русски, а в каждой смене всегда был пограничник, немного владеющий английским языком.

3. Условия содержания под стражей

47. Материальные условия содержания под стражей в центре, где недавно проводился частичный ремонт, являются, в общем и целом, удовлетворительными. Задержанные располагаются в просторных камерах (например, трое задер-

жанных в камере площадью 32 квадратных метра, четверо задержанных в камере площадью 64 квадратных метра). Камеры имеют хорошее освещение, проветриваются, снабжены приличной мебелью и чистые.

Тем не менее условия, существующие в некоторых помещениях центра (например, на кухне и в туалетах) оставляют желать лучшего. ЕКПП с удовлетворением отмечает, что данные помещения были отремонтированы после визита делегации (см. письмо латвийских властей от 29 января 2003 г.).

48. ЕКПП выражает беспокойство по поводу условий содержания под стражей в двух «карантинных камерах», расположенных на первом этаже. Обе камеры используются для содержания вновь прибывающих задержанных (которые проводят в них первые две недели), а также для обеспечения безопасности и в дисциплинарных целях.

Камеры имеют площадь 12,5 квадратных метра и снабжены приличной мебелью. При этом следует отметить плохое отопление, недостаток естественного освещения (окна снабжены металлическими козырьками) и довольно слабое искусственное освещение. ЕКПП рекомендует принять меры для улучшения отопления и освещения «карантинных камер».

Делегации также сообщили, что в этих камерах бывает до пяти задержанных, что слишком много. СПТ рекомендует, чтобы в каждой их «карантинных камер» одновременно содержалось не более трех задержанных.

49. Двери большинства камер в отделении общего режима были открыты почти весь день и всю ночь и задержанных выводили на часовую прогулку один раз в день. Тем не менее, ЕКПП выражает озабоченность тем фактом, что не существует никакой программы, позволяющей занять задержанных, которые длительное время пребывают в центре. Поэтому они проводят время за чтением журналов (как правило, несвежих), смотрят телевизор, играют в карты или тренируются в спортивном зале. Детям также не предлагается никаких занятий, соответствующих их возрасту.

ЕКПП предлагает принять меры, которые позволили бы иностранцам, пребывающим в центре содержания нелегальных иммигрантов «Олайне», иметь больший выбор различных видов деятельности. Выбор должен быть тем больше, чем дольше длится срок содержания под стражей. Кроме того, следует принять специальные меры, чтобы предложить детям и подросткам различные занятия, соответствующие их возрасту.

Учитывая, что центр не располагает персоналом социальных работников, ЕКПП предлагает латвийским властям предусмотреть регулярные посещения задержанных работниками социальной службы.

4. Медицинское обслуживание

50. Медицинский персонал учреждения состоит из двух врачей общего профиля и трех фельдшеров [*feldschers*], которые дежурят круглосуточно.

Задержанным обеспечен быстрый доступ к медицинской помощи и у делегации сложилось положительное мнение об усилиях медицинского персонала по оказанию необходимой помощи. В течение 24 часов после их поступления, всех задержанных осматривает кто-либо из медицинского персонала.

51. Делегация отмечает недостаточное оснащение медсанчасти учреждения. Так, у медицинского персонала не было даже стетоскопов и приборов измерения давления. ЕКПП рекомендует латвийским властям принять необходимые меры для улучшения положения в этой области.

52. В том, что касается лечения, поскольку у задержанных не было медицинской страховки, они имели право только на

бесплатную неотложную медицинскую помощь. Делегация отмечает, что подобное положение неоднократно вызывало негативные последствия. Так, у нескольких задержанных возникли проблемы с получением адекватного лечения (включая услуги стоматолога) или прохождением курса лечения вне учреждения. Делегация выражает также серьезную обеспокоенность в связи с нехваткой необходимых лекарственных препаратов.

ЕКПП рекомендует латвийским властям обеспечить всем задержанным возможность лечения (включая услуги стоматолога) и наличие соответствующих лекарств. Центру должны быть выделены необходимые средства для обеспечения бесплатным лечением и лекарствами тех иностранцев, которые не в состоянии оплачивать их самостоятельно.

53. Некоторые задержанные центра содержания нелегальных иммигрантов «Олайне» испытывали состояние тревоги, депрессии, страдали от нарушений сна, не получая при этом необходимую психиатрическую или психологическую помощь. ЕКПП предлагает латвийским властям обеспечить регулярные консультации психолога и психиатра.

<...>

5. Контакты с внешним миром

57. Задержанные в центре содержания нелегальных иммигрантов «Олайне» имеют право на ежедневные свидания продолжительностью два с половиной часа и руководство центра предусмотрело с этой целью соответствующим образом оборудованное помещение и комнату для семейных свиданий. Таким образом, некоторые задержанные, семья которых проживает в районе Риги, получили возможность длительных свиданий. Однако большинство задержанных не имеют такой возможности, поскольку их семьи проживают либо в отдаленных районах Латвии, либо за границей.

ЕКПП с удовлетворением отмечает, что задержанным предоставляется возможность беспрепятственно получать и отправлять письма. Более того, учреждение бесплатно предоставляет в их распоряжение конверты и марки. Им также разрешается звонить по телефону, если они в состоянии оплачивать звонки. <...>

<...>

8. Процедура подачи жалоб и проведения проверок

60. Делегации ЕКПП было сообщено о том, что у задержанных есть возможность направлять жалобы начальнику учреждения, а также в суды, прокурорам и в Национальное бюро по правам человека.

61. Учреждение регулярно проверяется компетентным прокурором, а также Инспекцией центрального управления пограничных войск и о принятых в результате проверок мерах сообщается в компетентные органы. <...>».

Ниже приводятся относящиеся к делу выдержки из ответа властей Латвии на указанный выше доклад (СРТ/Inf (2005)9) (неофициальный перевод на французский язык, сделанный в секретариате Суда):

<<...> В отношении оборудования жилых помещений центра содержания нелегальных иммигрантов «Олайне» <...> сообщаем, что отопление и освещение камер находятся на надлежащем уровне.

<...>

У задержанных с детьми есть возможность обеспечивать их учебу. Если родители хотят отправить ребенка в школу, администрация всегда идет им навстречу. Однако следует

отметить, что пока ни один задержанный не выразил такого пожелания.

В летнее время дети могут проводить время во дворе центра за занятиями, соответствующими их возрасту. Не существует программы, позволяющей занять свободное время задержанных, длительное время находящихся под стражей. Поэтому каждый из них сам выбирает себе занятие по вкусу. В центре имеются телевизоры и книги, а также другие возможности проведения свободного времени. Со временем предполагается предоставить задержанным больше возможностей для активного досуга. Распорядок дня центра был изменен и теперь предусмотрены более частые и длительные прогулки. Каждый задержанный получает требуемое количество конвертов и марок, о чем делается запись в журнале учреждения.

Учреждение имеет адекватное медицинское оборудование, соответствие которого современным требованиям зависит от имеющихся финансовых возможностей. Задержанным также оказывается необходимая медицинская помощь. Предполагается ввести должность штатного психолога.

В отношении упомянутого в докладе запроса членов делегации о предоставлении информации о проверках, которые проводятся в центре в течение года, сообщая вам, что в 2002 году Управлением пограничной стражи было проведено девять проверок <...> и после каждой из них составлялся отчет и план устранения выявленных недостатков <...>

<...>

После посещения центра содержания нелегальных иммигрантов «Олайне» представителями ЕКПП, были приняты следующие меры:

- проведен ремонт жилых помещений, медсанчасти, душевых и ванных;

- закуплено необходимое оборудование для медсанчасти: две койки, ширма, шкаф для лекарств, медицинский стол [sic];

- помещение для оказания срочной медицинской помощи регулярно обеспечивается лекарствами (договор на закупку медикаментов был заключен с ООО «R.P.»);

- обеспечивается первичная медицинская помощь (соответствующие договора были заключены с медицинскими учреждениями: медицинским пунктом в центре содержания нелегальных иммигрантов «Олайне», нейропсихиатрической больницей в Елгаве и Центром по лечению туберкулеза);

- были обеспечены нормальные санитарно-гигиенические условия (регулярно осуществляются закупки дезинфицирующих средств);

- было улучшено положение с отоплением и освещением медсанчасти (закуплены два дополнительных масляных обогревателя).

В конце декабря текущего года в центре вступит в строй газовая котельная, которая обеспечит постоянную подачу тепла и горячей воды. <...>».

СУТЬ ЖАЛОБЫ СО ССЫЛКАМИ НА ПОЛОЖЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

1. В своей жалобе в Европейский Суд заявители утверждали, что вся процедура исполнения решения об их высылке из Латвии (условия содержания в изоляторе временного содержания в г. Риге, затем в центре содержания нелегальных иммигрантов «Олайне», качество медицинской помощи, оказанной второй заявительнице, способ, которым их доставили на границу и посадили в поезд) достигала минимального уровня жестокости и представляла собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в значении положений статьи 3 Конвенции. Как считают заявители, помимо прочего, это нарушение тем более тяжкое, поскольку оно касается третьего заявителе-

ля — несовершеннолетнего на момент событий, фигурирующих по делу.

2. Ссылаясь на требования пункта 1 статьи 5 Конвенции, заявители жалуются на задержку, с которой в отношении них было вынесено решение о принудительной высылке, в сравнении с датой их ареста. Заявители утверждают, что такая задержка делала их содержание под стражей незаконным.

3. Ссылаясь на требования пункта 2 статьи 5 Конвенции, заявители жалуются на то, что протокол их задержания им был представлен на латышском языке, который они не понимали, а не на русском языке, который является их родным языком.

4. Ссылаясь на статью 8 Конвенции, заявители жалуются на то, что их выдворение с территории Латвии является неоправданным нарушением их права на уважение частной и семейной жизни.

5. Заявители утверждают, что имело также место нарушение статьи 8 Конвенции в результате помещения всех заявителей в одну и ту же камеру сначала в г. Риге, а потом в центре содержания нелегальных иммигрантов «Олайне», а также в результате помещения к ним в камеру посторонних лиц.

6. Заявители также указывали на факт дискриминации, запрещаемой статьей 14 Конвенции. По их мнению, они подвергались незаконному преследованию со стороны латвийских властей по причине их российского гражданства и русской национальности. Что касается второй заявительницы, она утверждала, что является жертвой дискриминации при осуществлении ею прав, гарантируемых статьей 8 Конвенции, дискриминации по признаку ее семейного положения как супруги бывшего российского военнослужащего.

6. И, наконец, заявители утверждают, что во время их ареста 3 сентября 2003 г. сотрудники иммиграционной полиции задавали им вопросы о сущности их жалобы, поданной в Европейский Суд. По мнению заявителей, здесь речь идет о вмешательстве в осуществление их права на подачу индивидуальной жалобы в Европейский Суд, запрещенном положением, содержащимся в последнем предложении статьи 34 Конвенции.

ВОПРОСЫ ПРАВА

А. Пункт жалобы, касающийся вопроса о нарушении требований статьи 3 Конвенции

Заявители жалуются на то, что условия их содержания под стражей и вообще условия, в которых было осуществлено их принудительное выдворение из Латвии, следует рассматривать как обращение, запрещенное статьей 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

1. По вопросу о возражении, заявленном по делу государством-ответчиком

а) Доводы сторон, изложенные Европейскому Суду

i. Доводы государства-ответчика

Государство-ответчик, прежде всего, выдвигает возражение о неприемлемости жалобы для рассмотрения по существу в связи с неисчерпанием заявителями внутренних государственных средств правовой защиты. Как утверждает государство-ответчик, у заявителей была возмож-

ность обратиться с жалобой к компетентному прокурору, которой они не воспользовались. В отношении утверждения заявителей об обратном, государство-ответчик замечает, что оно не подтверждается ни одним из документов, имеющихся в деле.

Государство-ответчик считает, что закон «О прокуратуре» предоставляет прокурорам целый набор юридических средств, позволяющих положительно решать жалобы любого заключенного на условия своего содержания под стражей. Кроме того, требования прокурора имеют обязательный характер. Поэтому прокурор может вынести свое решение не только по факту нарушения закона, но и в связи с непринятием административными органами мер по жалобе, вскрывающей подобное нарушение.

Чтобы доказать эффективный характер данного средства правовой защиты государство-ответчик приводит статистические данные, предоставленные прокуратурой и касающиеся жалоб, полученных этим учреждением в 2003 году. Из данного документа следует, что в течение 2003 года прокуратура получила 612 жалоб о «нарушении прав и законных интересов заключенных». Некоторые жалобы были переданы в другие органы, но в трех случаях компетентный прокурор заявил протест, который был исполнен получившим его органом власти.

И, наконец, как утверждает государство-ответчик, заявители не имеют оснований утверждать, что им не было известно о средствах правовой защиты. И в самом деле, в ходе слушания в судах дела о выдаче им вида на жительство, их интересы представлял адвокат, который мог дать им соответствующие разъяснения.

ii. Доводы заявителей

Заявители считают, что нет оснований утверждать, что они не исчерпали средства правовой защиты с точки зрения пункта 1 статьи 35 Конвенции. Они утверждают, что их адвокат действительно направила в прокуратуру жалобу в отношении незаконности их содержания под стражей, но решение было принято прокуратурой, когда они уже были препровождены к российской границе. Кроме того, тот факт, что их интересы представлял адвокат, ничего не меняет в данном деле, поскольку адвокат был нанят самими заявителями в рамках процедуры судебного рассмотрения в отношении законности постановлений об их выдворении из страны, и латвийские власти никогда не поднимали вопрос о юридическом представительстве заявителей в период их содержания под стражей. И, наконец, как утверждают заявители, лейтенант М.Н. объявил им, что, поскольку их обращения были отклонены судами, у них больше нет права на обжалование и что он не будет передавать их возможные жалобы адресатам.

b) Замечания третьей стороны

Власти Российской Федерации разделяет позицию заявителей и считает что, учитывая особое положение заявителей, жалоба, направленная в прокуратуру, не могла явиться эффективным и адекватным средством правовой защиты. В самом деле, отношение этого учреждения к лицам российского происхождения варьируется от бездействия до активной поддержки в отношении нарушений Конвенции. В том, что касается данного дела, прокуратура не приняла необходимые меры для исправления заявленных нарушений, что можно сказать и в отношении обращений в Европейский Суд других российских граждан. В отношении статистических данных, представленных государством-ответчиком, власти Российской Федерации отмечают, что в 2003 году были приняты меры

только по трем из 612 поданных жалоб. Кроме того, статистические данные не отражают количество жалоб, поданных российскими гражданами.

с) Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

Европейский Суд напоминает, что смысл пункта 1 статьи 35 Конвенции, который устанавливает правило исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, заключается в том, чтобы дать Договаривающимся Государствам возможность предупредить или исправить заявленные нарушения до обращения в Суд (см., в частности, среди прочих постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции» [*Selmouni c. France*], жалоба № 25803/94, § 74, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-V). Правило, установленное пунктом 1 статьи 35 Конвенции, основывается на предположении, включенном в статью 13 Конвенции, с которой оно тесно связано, что внутригосударственные правовые нормы предоставляют возможность эффективного обжалования заявленного нарушения (см. в частности постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» [*Kudła c. Pologne*], жалоба № 30210/96, § 152, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000 XI). Поэтому точно так же пункт 1 статьи 35 требует исчерпания только доступных, эффективных и адекватных средств правовой защиты, то есть реально существующих в теории и на практике и способных исправить заявленные нарушения (см. постановление Европейского Суда по делу «Аксой против Турции» [*Aksoy c. Turquie*] от 18 декабря 1996 г., Сборник постановлений и решений 1996-VI, стр. 2275—2276, § 51—52).

В настоящем деле государство-ответчик ссылается на закон «О прокуратуре». В этой связи Европейский Суд отмечает, что статья 15 данного закона действительно предоставляет прокурорам полномочия «надзирать за исполнением наказаний в виде лишения свободы <...> и местами заключения» и дает им право требовать немедленного освобождения лиц, незаконно содержащихся под стражей. Из статистических данных, приведенных государством-ответчиком, несомненно, вытекает, что во время рассматриваемых событий в прокуратуру было действительно подано 612 жалоб на «нарушение прав и интересов заключенных», но при этом данное учреждение приняло конкретные меры только в отношении трех жалоб. Более того, государство-ответчик не привело ни одного примера, когда вышеуказанное положение, при условии, что оно распространяется также на условия содержания под стражей, эффективно применялось в особых условиях, связанных с содержанием под стражей иностранца с целью его выдачи или выдворения из страны.

Европейский Суд напоминает также, что заявители находились под стражей в период с 3 по 17 сентября 2003 г., то есть в течение 14 дней. В этих условиях, как это трактуется пунктом 1 статьи 35 Конвенции, внутригосударственные средства правовой защиты считаются эффективными, если дают минимальные гарантии быстроты рассмотрения жалобы, тем более что в данном случае речь шла о серьезном обвинении в плохом обращении. Между тем из ознакомления с соответствующими положениями Закона «О прокуратуре» и закона о работе государственных органов и органов местного самоуправления с жалобами и обращениями граждан вытекает, что пункт 1 статьи последнего предоставляет компетентному органу срок 15 дней для ответа на обращение или жалобу. В некоторых случаях этот срок может быть увеличен до 30 дней и даже более. Учи-

тывая характер заявленных претензий, подобные сроки представляются чрезмерными. В этой связи Европейский Суд напоминает, что обращение, по которому не могут быть приняты своевременные меры, не является ни эффективным, ни адекватным (см., *mutatis mutandis*¹, постановление Европейского Суда от 29 ноября 1991 г. по делу «Компания “Пайн Вэлли Девелопментс Лтд.” и другие заявители против Ирландии» [*Pine Valley Developments Ltd. et autres c. Irlande*], серия «А», жалоба № 222, стр. 25, § 47 и по делу постановление Европейского Суда от 8 февраля 2001 г. по делу «Подколзина против Латвии» [*Podkolzina c. Lettonie*], жалоба № 46726/99)

Таким образом, Европейский Суд считает, что государство-ответчик не убедило его в существовании в латвийском законодательстве доступного, эффективного и адекватного средства правовой защиты, которое позволило бы заявителям воспользоваться им до обращения в Суд. Исходя из этого, Суд отклоняет возражение государства-ответчика.

2. По вопросу о существе дела

а) Доводы сторон, изложенные Европейскому Суду

i. Доводы государства-ответчика

Как утверждает государство-ответчик, обращение с заявителями как во время их содержания под стражей, так и препровождения последних к границе явно не достигло минимального уровня жестокости, чтобы подпадать под положения статьи 3 Конвенции. Используя многочисленные документы, государство-ответчик утверждает, что заявители представили неверные сведения в этом отношении, и повторяет свою версию событий (см. выше). В отношении первого места содержания под стражей, расположенного по адресу: г. Рига, улица Рудольфа, дом 5, где заявители находились с 3 по 12 и с 15 по 17 сентября 2003 г., государство-ответчик напоминает, что данный изолятор временного содержания был открыт в январе 2003 г., то есть всего за несколько месяцев до помещения туда заявителей. Кроме того, заявители были помещены в камеру, рассчитанную на четырех, а не трех человек, поэтому в их распоряжении было достаточно места. Короче, даже если условия содержания в данном заведении «не были идеальными», они, тем не менее, соответствовали требованиям статьи 3 Конвенции.

Во-вторых, говоря о центре содержания нелегальных иммигрантов «Олайне», государство-ответчик ссылается на выводы делегации ЕКПП, которая посетила данное учреждение осенью 2002 года и высказала положительное мнение в отношении существующих в нем условий. Кроме того, всего за несколько недель до перевода заявителей в центр содержания нелегальных иммигрантов «Олайне», данное учреждение посетила делегация Национального бюро по правам человека, которое играет роль уполномоченного по правам человека, и делегаты этой организации также сочли условия содержания под стражей вполне удовлетворительными. В этой связи государство-ответчик приводит письмо начальника регионального управления пограничной стражи от 19 июня 2004 г. (см. выше), в котором, в частности, говорится:

«<...> В период с 2002 по 2004 год центр содержания нелегальных иммигрантов «Олайне» неоднократно посещали делегации ЕКПП, представители ООН и Национального бюро по правам человека. Так, эксперты посетили данное

учреждение непосредственно перед помещением туда Викуловых и сразу же после их выдворения из Латвии. Таким образом, было получено независимое мнение в отношении условий содержания под стражей и их соответствия требованиям законодательства о защите прав человека. Не было отмечено фактов нарушения прав человека <...>».

Государство-ответчик также напоминает, что по прибытии заявителей в центр содержания нелегальных иммигрантов «Олайне» они были подвергнуты медицинскому обследованию, и на каждого из них была заведена медицинская карта. В подтверждение этого утверждения государство-ответчик предоставило копии вышеуказанных карточек. Как утверждает государство-ответчик, медицинская помощь, оказанная заявителям за все время их содержания под стражей, была вполне адекватной и соответствовала их потребностям.

И, наконец, в отношении препровождения заявителей к российской границе, государство-ответчик признаёт, что перевозка могла явиться для них серьезным испытанием не только с психологической точки зрения, но и в связи с довольно плохим состоянием дорог, ведущих к российской границе. Однако всего этого не достаточно, чтобы утверждать, что обращение с ними не соответствовало требованиям статьи 3 Конвенции.

ii. Доводы заявителей

Заявители настаивают на том, что правдиво описали условия своего содержания под стражей и что именно государство-ответчик пытается ввести Европейский Суд в заблуждение. Говоря, в частности, об отчете ЕКПП, заявители отмечают, что посещение его представителями центра содержания нелегальных иммигрантов «Олайне» состоялось за год до их помещения туда, и что с тех пор условия могли измениться.

Заявители также напоминают инцидент с использованием слезоточивого газа, который произошел на шестой день их пребывания в изоляторе временного содержания в г. Риге. Они повторяют свое утверждение о том, что им было отказано в получении личных вещей, когда они отказались подписать протоколы, представленные лейтенантом М.Н. Ссылаясь на постановление Европейского Суда от 30 января 2001 г. по делу «Дулаш против Турции» ([*Dulaş c. Turquie*], жалоба № 25801/94), они утверждают, что данный факт является отдельным нарушением статьи 3 Конвенции, которое было допущено в их отношении. То же самое они утверждают в отношении условий их перевозки к российской границе. По словам заявителей, данные нарушения являются тем более неприемлемыми, что они совершались и в отношении третьего заявителя, который в то время еще не достиг совершеннолетия.

Заявители утверждают, что правдивость их слов может быть подтверждена свидетельскими показаниями лиц, которые содержались с ними в г. Риге и центре содержания нелегальных иммигрантов «Олайне». Однако на данной стадии производства по делу они отказываются сообщить фамилии этих лиц, поскольку последние «могут быть подвергнуты преследованиям со стороны властей Латвии».

б) Замечания третьей стороны по делу

Власти Российской Федерации исходят из предположения, что факты, изложенные Викуловыми, действительно имели место и что латвийские власти не были в состо-

¹ *Mutatis mutandis* (лат.) — с соответствующими изменениями (примечание редакции).

янии их опровергнуть (речь идет, в частности, о якобы имевшем место факте помещения посторонних лиц в их камеру). Власти Российской Федерации считают, что условия содержания под стражей заявителей в обоих учреждениях имеют признаки бесчеловечного обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции. В частности, государство-ответчик не опровергло утверждение о том, что туалет не был отделен от остального помещения камеры, а это означает, что каждому заявителю приходилось удовлетворять свои естественные потребности на глазах у двух остальных. Как утверждают власти Российской Федерации, данное нарушение являлось тем более неприемлемым, что оно касалось третьего заявителя, который не достиг в то время совершеннолетия, и для которого это было самым настоящим психологическим шоком. И, наконец, тот факт, что компетентный офицер пограничных войск поставил в качестве условия получения заявителями своих личных вещей подписание последними протоколов о задержании и постановления о выдворении из страны, «является не только незаконным и жестоким, но еще и циничным». Таким образом, как утверждают заявители, действительно имело место нарушение требований пункта 3 статьи 35 Конвенции.

с) Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

Европейский Суд считает, что, исходя из всех доводов сторон, данное утверждение поднимает серьезные фактические и правовые вопросы, которые не могут быть разрешены на данной стадии рассмотрения искового заявления и требуют более углубленного изучения. Из этого вытекает, что данное требование не может быть объявлено явно необоснованным с точки зрения пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд не отмечает никакого иного основания в отношении его неприемлемости.

В. Пункт жалобы, касающийся вопроса о нарушении требований подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции

Заявители напоминают, что они были арестованы 3 сентября 2003 г., тогда как решение об их задержании и последующем заключении под стражу было вынесено только 8 сентября 2003 г. Исходя из этого, они утверждают, что их задержание и заключение были незаконными, не соответствовали никакой правомерной цели государства и составили нарушение требований пункта 1 статьи 5 Конвенции. Соответствующие положения данной статьи гласят:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

<...>

f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче».

1. Доводы сторон, изложенные Европейскому Суду

а) Доводы государства-ответчика

Государство-ответчик считает, что задержание заявителей соответствовало требованиям подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Прежде всего, оно было законным с точки зрения норм национального законо-

дательства: заявители отказались выехать из Латвии в срок, указанный в постановлении о высылке (15 июня 2003 г.), а пункт 1 статьи 51 закона «Об иммиграции» дает пограничникам право задерживать иностранца для исполнения процедуры выдворения из страны. На основании статьи 54 того же закона срок задержания такого иностранца может составлять до 10 дней, а если возникает необходимость в продлении этого срока, задержанного доставляют к судье, который может своим решением продлить срок задержания до двух месяцев. Вышеуказанные положения закона строго соблюдались в данном деле, поэтому нет никаких признаков нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции.

б) Доводы заявителей

Заявители утверждают, что не было никакой необходимости в их содержании под стражей, поскольку они проживали по постоянному адресу в г. Риге и были готовы сами явиться в Управление и представить все требуемые документы. Они отмечают, в частности, тот факт, что их задержали 3 сентября 2003 г., а попытка довести до их сведения постановления об их принудительном выдворении из страны, принятые Управлением за два дня до этой даты, была сделана только 10 сентября. Заявители повторяют свое утверждение, что они никогда не пытались утаить свои удостоверения личности и что, более того, они предъявили их судье во время слушания 12 сентября 2003 г. И, наконец, заявители утверждают, что к ним не может быть применен новый закон «Об иммиграции», поскольку их дело началось еще в период действия бывшего Закона «Об иностранцах».

2. Замечания третьей стороны

Власти Российской Федерации полностью поддерживают позицию заявителей. Власти Российской Федерации считают, что действия, предпринятые в отношении заявителей властями Латвии, являются незаконными и лишены каких-либо оснований.

3. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

Как и в предыдущем случае, Европейский Суд считает, что данный пункт жалобы поднимает серьезные фактические и правовые вопросы, которые не могут быть разрешены на данной стадии рассмотрения искового заявления и требуют более углубленного изучения. Из этого вытекает, что данное требование не может быть объявлено явно необоснованным с точки зрения пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд не отмечает никакого иного основания в отношении его неприемлемости.

С. Пункт жалобы, касающийся вопроса о нарушении требований пункта 2 статьи 5 Конвенции

Заявители жалуются на то, что протокол об их задержании был полностью составлен на латышском языке, которым они не владеют, а не на их родном русском языке. Они утверждают, что им до сих пор ничего не известно о причинах их задержания и что поэтому имеет место нарушение пункта 2 статьи 5 Конвенции, который гласит:

«Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение».

1. Доводы сторон, изложенные Европейскому Суду

а) Доводы государства-ответчика

Как утверждает государство-ответчик, пункт 2 статьи 5 Конвенции не обязательно гарантирует предъявление задерживаемому лицу письменного перевода постановления о его помещении под стражу. Данный пункт гарантирует только то, что лицу тем или иным соответствующим способом сообщается о причинах его ареста или помещения под стражу. Данное положение применяется, только если есть серьезные основания считать, что лицо не понимает язык, которым пользуются органы власти, и не требует обязательного присутствия профессионального переводчика.

В отношении настоящего дела государство-ответчик утверждает, что заявители хорошо понимали причины своего задержания, и напоминает о том, что постановления об их выдворении из страны были приняты в мае 2000 г., что в ходе последующих процессуальных действий заявители были представлены адвокатом, понимали незаконный характер своего пребывания в стране, а также то, что данная ситуация могла привести к их принудительному выдворению из страны. Кроме того, после окончательного отклонения их иска Управление неоднократно предупреждало заявителей о возможности применения к ним меры в виде принудительного выдворения из страны в случае отказа добровольно выехать с территории Латвии. Затем, во время их задержания 3 сентября 2003 г., пограничники сообщили им на русском языке причины, изложенные в протоколе, который они отказались подписать. В этой связи государство-ответчик представило копию записки, собственноручно написанной на русском языке первым заявителем в ходе его задержания, в которой он объясняет свое положение. В

любом случае, все связанные с этим делом должностные лица хорошо владеют русским языком, а для некоторых из них он является родным, поэтому у них никогда не возникало сложностей в общении с заявителями.

б) Доводы заявителей

Заявители уточняют, что их претензия касается не того факта, что их не проинформировали о причинах задержания, а того, что их вынуждали подписать протокол, составленный на непонятном для них языке. Как они утверждают, они отказались его подписывать только по этой причине. Действительно, у них «не было никаких причин верить словам инспектора», когда тот объяснял им по-русски содержание протокола. У них была теоретическая возможность сделать в этом документе соответствующую запись, но никто им этого не предложил. Когда их спросили по какой причине они все еще не выехали из страны, заявители ответили, что ждут решения по их жалобе, поданной в Европейский Суд. И, наконец, все имеющие отношение к данному делу пограничники действительно владели русским языком, а некоторые из них были русскими по происхождению, но при этом являлись латвийскими должностными лицами и не могли рассматриваться в качестве независимых переводчиков. Поэтому Европейский Суд делает вывод, что было допущено нарушение пункта 2 статьи 5 Конвенции.

2. Замечания третьей стороны

Власти Российской Федерации поддерживают доводы заявителей.

Окончание следует

Перевод с французского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

(Окончание, начало см. в № 5 журнала, 2007 год)

3. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

Европейский Суд напоминает, что пункт 2 статьи 5 Конвенции содержит простейшую гарантию, а именно: любой задержанный должен знать о причине своего задержания, причем независимо от основания задержания. Речь идет о минимальной гарантии против произвола. Совместно с системой защиты, которую предоставляет статья 5 Конвенции, данный пункт обязывает сообщать задержанному лицу в простой и доступной форме и на понятном ему языке о юридических и фактических причинах его заключения под стражу, что дает ему возможность обжаловать законность данной меры в суде на основании пункта 4 статьи 5 Конвенции. Данные сведения должны быть сообщены задержанному «в самые короткие сроки», но при этом административный орган, который совершил задержание, не обязан немедленно предоставлять всю информацию в полном объеме. Для определения факта сообщения вышеуказанных данных в достаточно короткий срок следует учитывать особенности конкретного дела (см. постановление Европейского Суда по делу «Шамаев и другие заявители против Грузии и России» [*Chamaïev et autres c. Géorgie et Russie*], жалоба № 36378/02, § 413, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2005 — ...). Кроме того, как правило, если речь идет о задержании, предусмотренном подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, информация, которая доводится до сведения задержанного, не обязательно должна быть такой же полной, как в случае задержания с дальнейшим направлением дела в суд с точки зрения пункта «с» того же пункта (см. решение Комиссии по правам человека от 5 июля 1984 г. по делу «К. против Бельгии» [*K. c. Belgique*], жалоба № 10819/84, Сборник решений и докладов Комиссии по правам человека DR 38, стр. 232).

В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что письмом от 25 февраля 2003 г. начальник Управления напомнил двум первым заявителям, что они обязаны покинуть Латвию на основании постановлений о высылке из страны, принятых в мае 2000 г. Кроме того, он прямо предупредил последних, что в случае неисполнения этого решения, они будут высланы принудительно. Несколько позже, а именно 14 марта 2003 г., он встретился с ними лично и еще раз напомнил им о том, что они обязаны выехать из страны до истечения указанного срока. Заявители никогда не утверждали, что не понимали смысла вы-

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ПО ВОПРОСУ О ПРИЕМЛЕМОСТИ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ ПО СУЩЕСТВУ

жалобы № 16870/03
Сергея ВИКУЛОВА и других заявителей,
поданной против Латвии*

шеуказанных действий. Таким образом, они полностью осознавали, что, оставаясь в Латвии после указанного в предписании срока, могли быть в любой момент подвергнуты задержанию с целью принудительной высылки. Более того, из их объяснений следует, что в ходе их задержания 3 сентября 2003 г., они обсуждали с пограничниками законность применения этой меры, которую они считали временно отсроченной в связи с подачей ими жалобы в Европейский Суд. Как следует из материалов дела, данный разговор велся исключительно по-русски, то есть на родном языке заявителей. Поэтому последние были полностью информированы о причинах своего задержания и в данном случае не усматривается никаких признаков нарушения прав, гарантированных пунктом 2 статьи 5 Конвенции (см.,

mutatis mutandis, решение Комиссии по правам человека от 27 ноября 1996 г. по делу «*De Vos против Португалии*» [*De Vos c. Portugal*], жалоба № 29644/96)

Из этого вытекает, что жалоба в данном ее пункте является необоснованной и должна быть отклонена на основании пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

D. Пункт жалобы, касающийся вопроса о нарушении требований статьи 8 Конвенции, и относящийся к высылке заявителей

Заявители жалуются на то, что их высылка с территории Латвии явилась нарушением их права на уважение личной и семейной жизни. Данное право гарантируется статьей 8 Конвенции, соответствующие положения которой гласят:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни <...>.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

1. Доводы сторон, изложенные Европейскому Суду

а) Доводы государства-ответчика

Государство-ответчик, прежде всего, отмечает, что у заявителей нет оснований жаловаться на вмешательство в их «семейную жизнь». В самом деле, единство их се-

Примечание редакции: по делу заявители утверждают, что в их отношении властями Латвии был допущен целый ряд нарушений Конвенции, в частности, процедура исполнения решения об их высылке из Латвии в целом представляла собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в значении положений статьи 3 Конвенции и нарушение их права на уважение их частной и семейной жизни по статье 8 Конвенции, власти допустили также ряд процессуальных нарушений по статье 5 Конвенции, было нарушено право заявителей на справедливое судебное разбирательство, гарантированное статьей 6 Конвенции; заявители также указывают на факт дискриминации стороны латвийских властей по причине их российского гражданства и русской национальности; ссылаясь на статью 1 Протокола № 1 к Конвенции, заявители жалуются также на то, что их высылка лишила их права распоряжаться и пользоваться их собственностью, оставшейся в Латвии.

мы не было нарушено, поскольку они были высланы все вместе. Что касается лиц, оставшихся в Латвии, их отношения с ними не подпадают под признаки «семейной жизни» с точки зрения положений статьи 8 Конвенции. При этом государство-ответчик признает, что в данном деле имело место вмешательство в «личную жизнь» заявителей, но считает, что это вмешательство соответствовало требованиям пункта 2 статьи 8 Конвенции.

Таким образом, высылка заявителей произошла на законной, достаточно ясной, доступной для понимания и предсказуемой основе в виде российско-латвийского соглашения и латвийских законов об иностранцах и иммиграции. Кроме того, данная мера преследовала «правомерную цель», а именно защиту национальной безопасности. И, наконец, она являлась «необходимой в демократическом обществе», то есть соразмерной преследуемой государством цели. В этой связи государство-ответчик ссылается на принципы, сформулированные в указанном выше постановлении Европейского Суда по делу «Сливенко против Латвии», и распространяющиеся на бывших российских военнослужащих, оставшихся в Латвии после восстановления независимости стран Прибалтики (§ 116—117). Однако, в отличие от дела «Сливенко против Латвии», личное положение заявителей не имеет характера, позволяющего ставить его выше соображений национальной безопасности и считать меру в виде их высылки несоразмерной.

В самом деле, единственной причиной пребывания Викуловых в Латвии была служба первого заявителя в рядах вооруженных сил. Признавая, что родители Галины Викуловой проживают в Латвии с 1979 года, государство-ответчик подчеркивает тот факт, что последняя въехала на территорию Латвии в связи с военной службой своего мужа и приводит в качестве подтверждения копию письма, направленного управлением, которое ссылается на трудовую книжку этой заявительницы. Кроме того, вся жизнь заявителей была связана сначала с Советской, а потом с Российской Армией. Так, первый заявитель проходил действительную военную службу в течение примерно восьми лет после восстановления независимости Латвии и в течение примерно четырех лет после заключения российско-латвийского договора. В течение всего этого времени он занимался обслуживанием Скрундской радиолокационной станции, то есть пребывание его самого и его семьи на территории Латвии регулировалось особыми положениями, распространявшимися на персонал этого военного объекта. В качестве резюме, заявляет государство-ответчик, можно сказать, что практически все связи, объединяющие трех заявителей, связаны с военной службой первого из них.

Затем государство-ответчик утверждает, что ни у одного из трех заявителей не может возникнуть больших сложностей в отношении социальной адаптации в России. В этой связи оно напоминает, что все трое являются русскими по происхождению, имеют российское гражданство, русский язык является для них родным, и что родители первого заявителя проживают в Калининграде. Да, Янина, старшая дочь в семье, осталась в Латвии, как и престарелые родители второй заявительницы, но при этом они могут помогать друг другу. В любом случае, даже после их выдворения из страны, ничто не мешает заявителям поддерживать отношения с членами семьи, оставшимися в Латвии.

В заключение государство-ответчик считает, что обстоятельства данного дела схожи с обстоятельствами дел «Козловский против Латвии» [*Kozlovskiy c. Lettonie*], жалоба № 50183/99, решение Европейского Суда от 29 января 2004 г.) и «Иванов против Латвии» [*Ivanov c. Lettonie*],

жалоба № 55933/00, решение Европейского Суда от 25 марта 2004 г.) с той разницей, что связи заявителей с Латвией выражены в еще меньшей степени, чем у Козловского и Иванова.

в) Доводы заявителей

Заявители опровергают доводы государства-ответчика и считают, что имело место вмешательство в их «семейную жизнь», поскольку они оказались разделены с членами семьи, которые остались в Латвии.

В качестве подтверждения факта вмешательства заявители также ссылаются на постановление по делу «Сливенко против Латвии», но трактуют его в совершенно противоположном смысле. Они напоминают, что наличие российско-латвийского договора и соглашения не препятствует Суду рассмотреть вопрос о совместимости обжалуемой меры с Конвенцией (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Сливенко против Латвии», § 120). Затем они напоминают, что первый заявитель был демобилизован в 1998 году и поэтому его следует рассматривать в качестве военного пенсионера, а не находящегося на действительной военной службе (там же, § 118). Так, после демобилизации, первый заявитель не получил нового назначения в Калининград, а оставался в Латвии вплоть до своего выдворения из страны.

Как утверждают заявители, в любом случае, их высылка из Латвии является несоразмерной мерой государства. В этой связи они делают упор на длительность своего пребывания в Латвии и наличие тесных личных и семейных связей с этой страной. Они въехали на территорию Латвии, когда та еще входила в состав Советского Союза. Кроме того, в отличие от утверждений государства-ответчика, вторая заявительница въехала в Латвию не в связи с военной службой своего мужа, а чтобы воссоединиться с родителями, которые проживали там уже несколько лет. Престарелые и большие родители второй заявительницы постоянно проживают в Латвии, как и старшая дочь заявителей Янина, ее ребенок, брат второй заявительницы и сестра первого заявителя. И, напротив, как утверждают заявители, у них нет достаточно прочных семейных связей в России. Заявители делают упор на положение третьего заявителя Антона Викулова, который родился и постоянно проживал в Латвии и которому будет сложно приспособиться к жизни в России. В Латвии он ходил в школу с первого по одиннадцатый класс и учился по латвийской школьной программе, которая значительно отличается от российской. Более того, в результате этих различий ему пришлось пойти в России в младший класс по сравнению с тем, в котором он учился в Латвии. В результате ему пришлось остаться на второй год и он получил диплом о среднем образовании на год позже сверстников.

И, наконец, заявители ссылаются на пункт 8 Рекомендации 1504(2001) ПАСЕ, в котором говорится: «Лицам, на законных основаниях проживавшим в стране до восстановления независимости данной страны, должен как минимум быть гарантирован такой же уровень защиты, как и длительно проживающим в ней иммигрантам. В частности, они ни в коем случае не должны подвергаться высылке из страны». Как утверждают заявители, данная рекомендация была проигнорирована латвийскими властями.

2. Замечания третьей стороны

Власти Российской Федерации разделяют позицию заявителей и повторяют большинство выдвигаемых ими доводов. Власти Российской Федерации, прежде всего,

считают, что российско-латвийский договор и соглашение не могут использоваться в качестве оправдания высылки заявителей. Затем власти Российской Федерации напоминают, что первый заявитель был демобилизован еще в 1998 году и находился на пенсии на момент принятия оспариваемых постановлений о выдворении из страны. А поскольку он являлся пенсионером, у литовских властей не было никаких оснований обращаться с ним, как с военным, находящимся на действительной службе. Так, нельзя ссылаться на то, что отъезд военного пенсионера может быть приравнен к его переводу на другое место службы.

Власти Российской Федерации утверждают, что выдворение заявителей из страны не преследовало никакой законной цели и что проживание пенсионера с семьей на территории страны не может представлять угрозу безопасности государства. Тот факт, что жизнь заявителей была тесно связана с Советской, а потом Российской Армией, не имеет никакого значения в данном случае. И действительно, когда Латвия и Россия входили в состав СССР, большинство мужчин проходили обязательную военную службу именно в этой армии. Кроме того, оспариваемая мера являлась явно несоразмерной любой цели, которую она могла преследовать. Заявители были полностью интегрированы в латвийское общество и степень их интеграции вполне сопоставима со степенью интеграции постоянно проживающих граждан этой страны. И, наоборот, у них нет таких же прочных связей с Россией и тот факт, что они в настоящее время проживают в России, явился результатом незаконных действий латвийских властей. Как и заявители, власти Российской Федерации подвергают критике положение, в результате которого третий заявитель не смог закончить учебу в школе в соответствии с программой, по которой он учился с первого класса.

Власти Российской Федерации считают неприемлемым утверждение государства-ответчика о том, что Янина, старшая дочь заявителей, оставшаяся в Латвии, вполне может заботиться о своих престарелых дедушке и бабушке. Как полагают власти Российской Федерации, этот вопрос должен был быть решен самими заявителями. Кроме того, престарелые родители второй заявительницы сильно нуждаются в уходе и заботе.

С точки зрения властей Российской Федерации, нарушение статьи 8 Конвенции, на которое ссылаются заявители, является еще более серьезным, чем в уже упомянутом деле «Сливенко против Латвии». Так, у Викуловых нет постоянного места жительства в России и они также испытывают трудности с трудоустройством. Таким образом, власти Российской Федерации приходят к заключению о наличии факта нарушения требований статьи 8 Конвенции.

3. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

а) По вопросу о наличии факта вмешательства государства в осуществление заявителями своих прав

В данном случае стороны согласны с тем, что высылка заявителей явилась вмешательством в осуществление из права ни уважение личной жизни с точки зрения пункта 1 статьи 8 Конвенции. Европейский Суд разделяет эту точку зрения.

Однако в том, что касается «семейной жизни», Европейский Суд приходит к заключению, что оспариваемая мера в виде высылки, не привела к расторжению единства семьи Викуловых, поскольку все трое заявителей были высланы вместе. Суд также напоминает, что отно-

шения между взрослыми детьми и их родителями, не входящими в семейную ячейку, не обязательно подпадают под защиту статьи 8 Конвенции, если не было доказано наличие дополнительных факторов зависимости помимо обычных эмоциональных связей. Следовательно, заявители не могут ссылаться на наличие «семейной жизни» ни в отношении Янины Викуловой и ее семьи, ни в отношении престарелых родителей второй заявительницы. И в самом деле, не было доказано, что престарелые родители действительно находились на попечении заявителей, поскольку последние не привели достаточно убедительных доводов в этом отношении. Тем не менее Суд принимает во внимание отношения двух заявителей с указанными выше лицами с точки зрения их «личной» жизни (см. уже упомянутое постановление по делу «Сливенко против Латвии», § 97).

Таким образом, имел место факт вмешательства государства в осуществление заявителями их права на уважение личной жизни. Подобное вмешательство является нарушением статьи 8 Конвенции, если только оно не было оправданно с точки зрения пункта 2 той же статьи, то есть было «предусмотрено законом», преследовало одну или несколько правомерных целей, перечисленных в данном пункте, и являлось «необходимым в демократическом обществе» для достижения указанных выше целей или цели.

б) По вопросу об обоснованности вмешательства государства в осуществление заявителями своих прав

i. Было ли вмешательство «предусмотрено законом»?

Европейский Суд напоминает, что, исходя из его утвердившейся прецедентной практики, слова «предусмотренное законом» означают, что принимаемая государством мера должна основываться на нормах национального законодательства, и касаются качества самого закона, который должен быть доступен для понимания подсудимого в том, что касается его содержания и юридических последствий (см. среди прочих постановление Европейского Суда по делу «Аманн против Швейцарии» [*Amann c. Suisse*], жалоба № 27798/95, § 50, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-II). В этой связи Суд напоминает, что именно судебные учреждения страны должны, прежде всего, трактовать и применять положения национального законодательства, включая те из них, которые затрагивают международные соглашения, связывающие государство-ответчик, и что, если не было обнаружено фактов произвола, Суд не уполномочен давать им оценку (см. упомянутые выше постановления Европейского Суда по делам «Сливенко против Латвии», § 105, и «Аманн против Швейцарии», § 52, а также, *mutatis mutandis*, по делу «Компания «Гроппера Радио АГ» и другие заявители против Швейцарии» [*Groppera Radio AG et autres c. Suisse*], от 28 марта 1990 г., серия «А», жалоба № 173, стр. 26, § 68).

В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что, отклонив жалобу заявителей и подтвердив законность их высылки, латвийские судебные учреждения основывались на российско-латвийском договоре и соглашении, а также на соответствующих положениях Закона «Об иностранцах». С точки зрения Суда, вышеуказанное соглашение достаточно ясно предусматривало постепенный демонтаж Скрудской радиолокационной станции. Прочитанное в свете вышеуказанного договора, приложением к которому оно являлось, соглашение предусматривало, что военные, занятые на обслуживании данного объекта, пребывают на лат-

вийской территории на временной основе. Иными словами, ни одно из положений договора и соглашения, а также национального законодательства не содержало прямого указания на право заявителей оставаться на территории Латвии. Европейский Суд отказывается понимать утверждение заявителей и властей Российской Федерации о том, что первого заявителя следовало рассматривать в качестве военного пенсионера. Из фактов по данному делу вытекает, что во время вступления в силу российско-латвийского договора и соглашения Сергей Викулов проходил действительную военную службу и что его демобилизация произошла только после прекращения работы Скрундской радиолокационной станции, на которой он служил. Кроме того, в третьем абзаце статьи 2 российско-латвийского договора прямо говорится, что «расформирование воинских частей, увольнение из них военнослужащих после 28 января 1992 г. на территории Латвийской Республики не может рассматриваться как вывод войск» (см. уже упомянутое постановление по делу «Сливенко против Латвии», § 65).

И, наконец, в отношении положений Закона «Об иностранцах», предусматривающих принудительную высылку иностранцев, находящихся на территории страны на незаконных основаниях, Европейский Суд не усматривает признаков произвола в отношении их применения латвийскими властями (см., *mutatis mutandis*, уже упомянутые решения Европейского Суда по делам «Козловский против Латвии» и «Иванов против Латвии»).

Европейский Суд приходит к заключению, что имевшее место вмешательство было «предусмотрено законом» с точки зрения пункта 2 статьи 8 Конвенции.

ii. Преследовало ли вмешательство государства в осуществление прав заявителей «правомерную цель» и было ли оно «необходимым в демократическом обществе»?

В отношении правомерной цели, которую преследовало обжалуемое вмешательство, а также вопроса о том являлось ли данное вмешательство «необходимым в демократическом обществе», Европейский Суд считает необходимым напомнить об общих заключениях, к которым он пришел в постановлении по упомянутому выше делу «Сливенко против Латвии»:

а) Высылка лиц, являющихся субъектами российско-латвийского договора 1994 года, преследует правомерную цель, а именно: охрану национальной безопасности Латвии. Данная цель не может рассматриваться вне более широкого контекста конституционных и международно-правовых изменений, произошедших после того, как Латвия вновь обрела свою независимость в 1991 году (там же, § 111). В частности, требование о выводе вооруженных сил одной независимой страны (России) с территории другой независимой страны (Латвии) является с точки зрения Конвенции правомерным средством разрешения различных политических, социальных и экономических проблем, вытекающих из распада СССР. Тот факт, что в данном случае российско-латвийский Договор предусматривался вывод всех военнослужащих, которые были переданы под юрисдикцию России, включая лиц, уволенных с действительной военной службы до вступления договора в силу сам по себе не вступает в противоречие со статьей 8 Конвенции, поскольку договор обязывает Россию принять на своей территории всех своих военнослужащих вне зависимости от происхождения и национальности каждого из них (там же, § 116).

б) Если предположить, что в данном конкретном случае имело место вмешательство в осуществление прав, га-

рантированных статьей 8 Конвенции, данное вмешательство не являлось несоразмерным, учитывая условия прохождения военной службы. Данный вывод, в частности, подтверждается в случае находящихся на действительной службе военнослужащих и их семей. В самом деле, их вывод с территории страны может рассматриваться как перевод на другое место прохождения службы, приказ о котором мог бы быть отдан по другим поводам в ходе их обычной службы. Более того, представляется очевидным, что постоянное присутствие находящихся на действительной службе военнослужащих армии иностранного государства вместе со своим семьями может выглядеть несовместимым с суверенитетом независимого государства и расцениваться как угроза его национальной безопасности. Как правило, общественный интерес в высылке находящихся на службе военнослужащих и их семей с территории такого государства может, как правило, перевешивать заинтересованность данных лиц остаться в нем (там же, § 117).

с) Одновременно Европейский Суд напоминает, что жесткое, формальное и неизбирательное применение положений российско-латвийского договора, без учета положения лиц, которые подлежат выводу на основании норм внутреннего законодательства, может явиться нарушением статьи 8 Конвенции. В самом деле, даже если речь идет о лицах, подпадающих под действие договора, меры в виде их высылки могут оказаться неоправданными с точки зрения Конвенции, учитывая особое положение конкретного лица. Таким образом, оправданность меры в виде высылки в меньшей степени распространяется на отставных военных и членов их семей, законные личные интересы которых должны в большей степени приниматься во внимание и в отношении которых интересы национальной безопасности играют меньшую роль (там же, § 117—118). Другими словами, для того чтобы установить справедливый баланс между конкурирующими интересами личности и интересами общества, акция по выдворению человека не должна быть приведена в действие, когда такая мера непропорциональна преследуемой государством правомерной цели (там же, § 122).

Таким образом, в решениях по упомянутым выше делам по делам «Козловский против Латвии» и «Иванов против Латвии», Европейский Суд рассмотрел личное положение заявителей с учетом всех фактов по делу и пришел к выводу, что заявленное вмешательство не было чрезмерным по отношению к преследуемой законной цели. Суд поступил подобным образом и в настоящем деле.

Европейский Суд установил, что два первых заявителя, Сергей Викулов и Галина Викулова, въехали на территорию Латвии в 1985 году. Начиная с этого времени, их пребывание на территории страны было связано с действительной военной службой Сергея Викулова. Конечно, как подчеркивают заявители, Галина Викулова въехала в страну отдельно от мужа за несколько месяцев до него и под иным предлогом, но, тем не менее, учитывая непродолжительность данного промежутка времени, а также тот факт, что они уже являлись единой семьей, Европейский Суд не считает, что данное обстоятельство имеет решающее значение в настоящем деле (см. *a contrario*¹ уже упомянутое постановление по делу «Сливенко против Латвии», § 16 и 19).

Затем Европейский Суд отмечает, что в 1991 году, то есть во время окончательного восстановления независимости Латвии, заявители уже проживали там в течение шести лет. Следует признать, что все это время они могли законно считать, что по-прежнему находятся на тер-

¹ *A contrario* (лат.) — от противоположного (примечание редакции).

ритории своего государства, то есть Советского Союза, гражданами которого они являлись. И напротив, начиная с августа 1991 г., когда уже не было никаких сомнений в отношении международно-правового статуса Латвийской Республики, заявители не могли не понимать, что являются семьей военнослужащего, проходящего действительную военную службу в составе иностранных вооруженных сил, расположенных на территории независимого государства, и которые рано или поздно будут вынуждены его покинуть. Более того, начиная с 30 апреля 1994 г., в российско-латвийском договоре и соглашении были указаны точные даты вывода российских вооруженных сил. Вывод должен был быть в принципе завершен к 31 августа 1994 г. (там же, § 65). Скрундская радиолокационная станция могла действовать еще четыре года, но ее окончательный демонтаж должен был завершиться до 29 февраля 2000 г. Таким образом, поскольку первый заявитель работал на данном объекте и заявители подпадали под действие вышеуказанного соглашения, они полностью признавали, что после демонтажа Скрундской радиолокационной станции у них не будет никаких законных оснований для дальнейшего пребывания в Латвии. В этой связи Европейский Суд, в частности, отмечает, что с 1994 по 1998 год заявители проживали на территории Латвии на основании не вида на жительство, а периодически продлеваемых специальных виз. Итак, если не в августе 1991 г., то, по крайней мере, уже начиная с апреля 1994 г., заявители должны были понимать неминуемый характер своего отъезда, как и то, что у них не было никакой законной надежды задержаться в Латвии на более длительное время.

Как Европейский Суд уже постановил по уже упомянутому делу «Сливенко против Латвии», продолжение присутствия иностранных военнослужащих и членов их семей может оказаться несовместимым с суверенитетом государства и представлять угрозу его безопасности (там же, § 117). Кроме того, Суд считает не относящимся к делу пример, приведенный властями Российской Федерации в отношении того, что большинство мужчин бывшего СССР проходили обязательную военную службу в Советской Армии. Из дела, прежде всего, следует, что Сергей Викулов был профессиональным военным и, во-вторых, в данном случае речь идет о положении, которое сложилось после восстановления независимости Латвии, когда эта армия, вскоре ставшая российской, оказалась на земле независимого иностранного государства. В этой связи Европейский Суд отмечает, что первый заявитель служил в Российской Армии до ноября 1998 г., то есть в течение семи лет после окончательного восстановления независимости Латвии, а это гораздо больше срока службы Козловского (демобилизованного в 1994 году) и Иванова (демобилизованного в 1993 году) (см. упомянутые выше решения).

В отношении личных и семейных связей заявителей в Латвии, Европейский Суд установил, что Сергей Викулов и Галина Викулова въехали в Латвию в возрасте соответственно 30 и 28 лет, то есть будучи взрослыми людьми, и что пребывание их семьи в этой стране продолжалось примерно 18 лет. Суд допускает, что за это время двум вышеуказанным заявителям удалось завязать многочисленные личные и общественные отношения, выходящие за рамки чисто военной среды. Кроме того, как выяснилось, некоторые из членов их семьи постоянно проживают в Латвии. Однако при этом с 1985 по 1998 год их пребывание в Латвии было обусловлено службой первого заявителя в Советской, а затем Российской Армии. При этом, как уже было отмечено Судом, в течение всего этого периода Сергей Викулов мог быть в любой момент переведен на другое место службы, возможно, расположенное вне территории Латвии, и тогда его супруге пришлось бы последовать за ним. В данных ус-

ловиях Суд считает, что, с этой точки зрения, пребывание заявителей в Латвии не может быть приравнено к длительному пребыванию гражданского лица.

Таким же образом, в отношении уровня интеграции двух первых заявителей в латвийское общество, Европейский Суд отмечает, что из их собственных замечаний с точки зрения пункта 2 статьи 5 Конвенции следует, что заявители не владеют латышским языком (см. выше).

С другой стороны, помимо службы первого заявителя в Российской Армии, Европейский Суд отмечает реальное наличие связей семьи Викуловых с Россией. Во-первых, они оба являются гражданами России и это был их выбор после распада Советского Союза. Во-вторых, еще до переезда в Латвию оба заявителя проживали в Калининграде, городе, в который они вернулись сразу же после высылки из Латвии. В-третьих, их родным языком является русский, которым, в отличие от латышского, они владеют в совершенстве.

В этих условиях Европейский Суд не отмечает наличия обстоятельств указывающих на то, что Латвия является тем местом, где первый и второй заявители могли бы вести нормальную общественную и семейную жизнь. Скорее наоборот, у них не должно было возникнуть особых сложностей в отношении социальной и культурной адаптации в России даже если они испытали некоторые неудобства во время перемещения в сторону границы (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда по делам «Гюль против Швейцарии» [*Gül c. Suisse*] от 19 февраля 1996 г., Сборник решений Европейского Суда по правам человека 1996-1, стр. 176, § 42, и «Коваленок против Латвии» [*Kovalenok c. Lettonie*], жалоба № 54264/00 от 15 февраля 2001 г., и решения Европейского Суда по упомянутым выше делам «Козловский против Латвии» и «Иванов против Латвии»).

И, наконец, поскольку первый и второй заявители ссылаются на личные отношения со старшей дочерью, престарелыми родителями второй заявительницы и некоторыми другими членами семьи, законно проживающими в Латвии, Европейский Суд отсылает к сделанным им заключениям в отношении отсутствия особых отношений зависимости последних от заявителей или наоборот (см. выше). В данном случае заявители не указывают никакого препятствия, которое могло бы помешать им принять вышеуказанных лиц у себя в России, либо, после истечения срока запрета на въезд, посетить их в Латвии, получив въездные визы.

Остается вопрос о третьем заявителе, Антоне Викулове, который родился на территории Латвии вскоре после переезда туда своих родителей и являлся несовершеннолетним на момент высылки. Европейский Суд признает, что у него более тесные связи с Латвией, чем у его родителей, в частности потому, что он учился там с первого по одиннадцатый класс. Тем не менее, с точки зрения Суда, изложенное выше рассуждение в большой степени применимо и к третьему заявителю. В самом деле, он гражданин России, его родным языком является русский, поэтому его социальная и культурная адаптация в России также не должна вызывать особых проблем. Кроме того, Европейский Суд считает вполне разумным допустить, что, как правило, если к родителям применяется мера в виде высылки с территории страны, данная мера распространяется и на несовершеннолетних детей, находящихся на их иждивении. В самом деле, такой подход позволяет сохранить единство семьи (см., *mutatis mutandis*, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоццари и Джуонта против Италии» [*Scozzari et Giunta c. Italie*], жалобы № 3922/98 и 41963/98, § 148, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-VIII).

Да, из объяснений заявителей следует, что Антон Викулов учился по латвийской школьной программе и что

его перемещение в Россию причинило ему некоторые неудобства, в частности вызвало необходимость проучиться лишней год в российской школе. Однако Европейский Суд считает, что данное обстоятельство еще не позволяет считать имевшее место вмешательство несоразмерным. В самом деле, в отношении статьи 2 Протокола № 1, Суд уже высказался в том смысле, что следует различать право иностранца на образование и его право на пребывание в стране. Кроме того, Суд отметил, что 15 июня 2003 г., то есть дата, указанная в постановлении о выдворении из страны, была специально установлена латвийскими властями, чтобы дать возможность третьему заявителю закончить школьный год (см. частичное решение от 25 марта 2004 г. о приемлемости данного дела).

Учитывая все сказанное выше, Европейский Суд не усматривает в данном случае наличия особых обстоятельств, которые, как в деле «Сливенко против Латвии», поставили бы личный интерес заявителей (остаться в Латвии) выше интереса государственного (вывод иностранных военнослужащих и членов их семей с территории страны в рамках выполнения условий межгосударственного договора). Иными словами, латвийские власти не вышли в данном случае за рамки той свободы усмотрения, которой они пользуются, и нет оснований обвинять их в несоблюдении справедливого равновесия между преследуемой правомерной целью и правами заявителей, вытекающими из статьи 8 Конвенции. Поэтому в данном случае не усматривается никакого нарушения вышеуказанного положения.

Из этого следует, что в данном вопросе жалоба заявителей является явно необоснованной и в данном пункте должна быть отклонена на основании пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

Е. Пункт жалобы, касающийся вопроса о нарушении требований статьи 8 Конвенции, и относящийся к содержанию заявителей под стражей

Ссылаясь на статью 8 Конвенции (см. выше), заявители утверждают, что во время их содержания под стражей, как в г. Риге, так и в центре содержания нелегальных иммигрантов «Олайне», имело место нарушение их права на уважение личной жизни. В этой связи они жалуются на то, что были помещены в одну камеру и что вместе с ними содержались посторонние люди.

1. Доводы сторон, изложенные Европейскому Суду

Государство-ответчик утверждает, что доводы заявителей в отношении помещения в их камеру посторонних лиц, являются ложными. В качестве подтверждения своих слов, государство-ответчик ссылается на письмо начальника регионального управления Государственной пограничной стражи от 19 июня 2004 г. (см. выше), из которого следует, что во время указанных событий, реальное количество задержанных в обоих заведениях было значительно меньше имеющегося в них количества мест, поэтому не было никакой необходимости помещать посторонних лиц в камеру заявителей. Более того, в центре содержания нелегальных иммигрантов «Олайне» заявители содержались в «отделении для женщин и семей», в которое никогда не помещаются одинокие мужчины.

В свою очередь заявители настаивают на правдивости своих утверждений и приводят в этой связи план места содержания под стражей со своими объяснениями в этом отношении. Как и в отношении статьи 3 Конвенции (см. выше), они ссылаются на возможные свидетельские показания других задержанных, фамилии которых они пока не хотят раскрывать.

2. Замечания третьей стороны

Власти Российской Федерации поддерживают доводы заявителей.

3. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

В свете всех доводов сторон, Европейский Суд считает, что в данном пункте жалобы поднимаются серьезные фактические и правовые вопросы, которые не могут быть разрешены на данной стадии производства по жалобе и требуют более углубленного изучения. Из этого вытекает, что жалоба в данном ее пункте не может быть признана явно необоснованной с точки зрения положений пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд не отмечает никакого иного основания в отношении неприемлемости жалобы в данном ее пункте.

Ф. Пункт жалобы, касающийся вопроса о нарушении требований статьи 14 Конвенции

Заявители утверждают, что являются жертвами дискриминации, запрещенной статьей 14 Конвенции, которая в части, применимой в настоящем деле, гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в <...> Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку <...> языка, <...> национального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам <...> или по любым иным признакам».

1. Доводы сторон, изложенные Европейскому Суду

Государство-ответчик напоминает, что статья 14 Конвенции не существует отдельно, а применяется только в случае нарушения одного из нормативных положений Конвенции или протоколов к ней. Но в данном случае заявители не указали в отношении осуществления какого права, защищаемого конвенцией, они якобы подверглись дискриминации. Государство-ответчик напоминает также, что оспариваемая мера применяется ко всем без исключения бывшим членам российского военного персонала, на которых распространяются положения российско-латвийского соглашения. Более того, данная мера была применена в соответствии с законом и преследовала законную цель. Поэтому не усматривается никаких признаков дискриминации, запрещенной статьей 14 Конвенции.

В ответных замечаниях заявители уточняют, что они подверглись дискриминации в отношении осуществления своих прав с точки зрения статьи 8 Конвенции. Дискриминация выразилась в том, что они были высланы из страны в связи со статусом бывшего военного, который был у первого заявителя, то есть у Сергея Викулова. В самом деле, более десяти его сослуживцев, оказавшихся в аналогичных условиях, получили вид на жительство в Латвии на том основании, что их близкие проживали там на постоянной и законной основе. Однако заявителям было отказано в предоставлении вида на жительство, несмотря на то, что у них тоже были семейные связи в Латвии. Что касается второй заявительницы, она, кроме того, считает себя жертвой дискриминации по признаку семейного положения, являясь супругой бывшего российского военнослужащего.

2. Замечания третьей стороны

Как утверждают власти Российской Федерации, заявители действительно явились жертвами дискриминации на почве ксенофобии, а их высылка вписывается в

более широкий контекст масштабной «этнической чистки» страны, которую осуществляют латвийские власти.

3. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

Европейский Суд напоминает, что статья 14 Конвенции не имеет самостоятельного значения и применяется только в отношении пользования правами и свободами, гарантированными другими нормативными положениями Конвенции и Протоколов к ней. Он также напоминает, что, с точки зрения статьи 14, факт «дискриминации» считается установленным, если, без каких-либо оснований или разумных причин, государство проявляет различный подход к лицам, находящимся в аналогичном или сходном положении (см. среди прочих постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Тлимменос против Греции» [*Thlimmenos c. Grèce*], жалоба № 34369/97, § 44, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-IV). Кроме того, чтобы подпадать под признаки «дискриминации», данное различие в подходах должно основываться на одном или нескольких признаках, прямо указанных в статье 14 Конвенции, либо на иных признаках, обозначенных выражением «по любым иным признакам» (см. например постановление по делу «Сальгейро да Силва Мута против Португалии» [*Selgueiro da Silva Mouta c. Portugal*], жалоба № 33290/96, § 28, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-IX). И, наконец, по каждому делу, поданному на основании статьи 14 Конвенции, Европейский Суд должен убедиться на основании представленных фактических и юридических данных, что различие в подходе действительно имело место и подпадало под признаки, указанные в данной статье. Поэтому для установления факта дискриминации недостаточно простого предположения или подозрения, высказанного заявителем (см. решение Европейского Суда от 3 апреля 2003 г. по делу «Харланова против Латвии» [*Harlanova c. Lettonie*], жалоба № 57313/00).

Впрочем, исходя из практики Суда, положения Конвенции, как правило, не препятствуют Договаривающимся Государствам законодательно принимать политические программы общего характера, на основании которых определенная категория или группа лиц подвергается особому обращению при условии, что вмешательство в осуществление своих прав лицами, входящими в данную категорию или группу, и определенное законом, может быть оправдано с точки зрения Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жданок против Латвии» [*Ždanoka c. Lettonie*], жалоба № 58278/00, § 112, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2006 — ...).

В настоящем деле из замечания заявителей вытекает, что их утверждение о дискриминации касается только факта их высылки и что, таким образом, они считают себя жертвами дискриминации только в отношении осуществления своих прав, гарантированных статьей 8 Конвенции. В этой связи Европейский Суд напоминает, что оспариваемое вмешательство основывалось на российско-латвийском договоре и соглашении, под которые непосредственно подпадали заявители. Дело в том, что первый заявитель не только входил в категорию российских военнослужащих, находящихся на действительной службе, на которых прямо указывает договор, но еще служил в воинском контингенте, занятом обслуживанием Скрундской радиолокационной станции, которому было разрешено пребывать в Латвии для обеспечения работы данного объекта по временной схеме. В этих обстоятельствах следует заключить, что, с объективной точки зрения, положение заявителей

было достаточно специфическим и не было ни аналогичным, ни даже похожим на положение остальных лиц, будь то гражданские, бывшие военнослужащие Советской Армии, демобилизованные после распада СССР, а также, возможно, иные группы лиц. Такое же заключение можно сделать и в отношении второй заявительницы, которая считает себя жертвой дискриминации по признаку семейного положения. Точно также, ни один факт, который находится в распоряжении Суда, не позволяет ему сделать заключение о том, что этническое происхождение, родной язык либо иной сходный признак сыграли какую-либо роль в применении в отношении заявителей положений договора, соглашения и латвийского законодательства.

И, наконец, поскольку первый заявитель упоминает о положении нескольких сослуживцев, которым было разрешено остаться в Латвии, следует отметить, что он ни разу не пользовался этим доводом в судебных учреждениях Латвии, не говоря уж о Европейском Суде, и не предоставил никаких конкретных данных в отношении этих лиц. В этих обстоятельствах Европейский Суд не может определить в какой степени их положение было сравнимо с положением самого заявителя, и каким образом могут использоваться в этой связи критерии различия, о которых говорится в статье 14 Конвенции.

6. Пункт жалобы, касающийся вопроса о нарушении требований статьи 34 Конвенции

В своей жалобе заявители указывают на вопросы относительно жалобы поданной в Европейский Суд, которые им якобы задавали пограничники во время из задержания 3 сентября 2003 г. В этой связи они ссылаются на последнюю фразу статьи 34 Конвенции, которая гласит:

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

1. Доводы сторон, изложенные Европейскому Суду

Государство-ответчик поясняет, что разговор о жалобе, поданной заявителями, состоялся только один раз, а именно во время их задержания 3 сентября 2003 г. Пограничники спросили, по какой причине заявители так упорно отказываются подчиниться постановлениям о высылке, в ответ на что последние упомянули о жалобе, поданной ими в Европейский Суд. В ответ им было заявлено, что данный факт не приостанавливает исполнение постановлений. Государство-ответчик считает, что, в свете практики Суда, данный факт не является «препятствием», запрещенным статьей 34 Конвенции.

По этому пункту версия заявителей в основном совпадает с версией, представленной государством-ответчиком. Заявители добавляют, что во время вышеупомянутого разговора, уполномоченное должностное лицо заявило им, что, как только они окажутся вне территории Латвии, они смогут подавать заявления и жалобы, куда им заблагорассудится. Как утверждают заявители, им было также заявлено, что никто в Латвии не собирается подчиняться постановлениям Европейского Суда, и что такая же позиция была занята представителем Латвии в Европейском Суде по правам человека в ходе телевизионного интервью.

2. Замечания третьей стороны

Власти Российской Федерации не высказываются отдельно по данному пункту.

3. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

Европейский Суд напоминает, что для эффективной работы механизма подачи индивидуальных жалоб, установленного статьей 34 Конвенции, чрезвычайно важно, чтобы реальные и потенциальные заявители могли свободно общаться с Судом, не подвергаясь давлению со стороны властей с целью отказа или изменения своих требований (см. например постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции» [*Salman c. Turquie*], жалоба № 21986/93, § 130, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-VII).

Под словом «давление» следует понимать не только прямое принуждение или явные действия с целью запугивания, но и косвенные действия и контакты, имеющие целью заставить лицо отказаться от своего права на подачу жалобы в Суд, которое гарантировано Конвенцией. Чтобы определить, являлись ли контакты между представителями власти и реальным или потенциальным заявителем неприемлемыми с точки зрения статьи 34 Конвенции, следует учитывать особые обстоятельства конкретного дела. В этой связи необходимо рассмотреть вопрос о незащищенности заявителя и вероятность того, что он мог оказаться под влиянием властей (см., например, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Танрыкулу против Турции» [*Tanrikulu c. Turquie*], жалоба № 23763/94, § 130, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999 IV). В частности, допрос заявителя властями государства-ответчика по поводу жалобы, поданной им в Суд, может рассматриваться как нарушение обязательств, вытекающих из статьи 34 Конвенции (см. например постановления Европейского Суда по делам «Акдивар и другие заявители против Турции» [*Akdivar et autres c. Turquie*], от 16 сентября 1996 г., Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1996-IV, стр. 1219, § 5, и «Орхан против Турции» [*Orhan c. Turquie*], жалоба № 25656/94, § 407, от 18 июня 2002 г.).

В настоящем деле стороны согласны с тем, что 3 сентября 2003 г., то есть в день задержания заявителей, последние сообщили о настоящей жалобе, поданной в Суд, в качестве препятствия для их высылки и причины, по которой они не выехали из Латвии в предписанные сроки. В ответ на это пограничники заявили, что наличие жалобы не приостанавливает действие принятых в их отношении постановлений о высылке. В свете объяснений заявителей представляется, что именно эту часть разговора они считают противоречащей требованиям статьи 34 Конвенции. Тем не менее, с точки зрения Суда, ответ пограничников явно не может рассматриваться в качестве «давления» или «запугивания», которые запрещены данной статьей.

В отношении утверждения заявителей, что компетентное должностное лицо якобы заявило им, что «никто в Латвии не собирается подчиняться решениям Европейского Суда», и, допуская, что данное утверждение соответствует истине, Европейский Суд допускает, что

подобное высказывание со стороны представителя государства несовместимо с обязанностью проявлять лояльность и действовать в духе сотрудничества, которую устанавливает пункт 1 статьи 46 Конвенции, не говоря уж от том, что подобное высказывание является нарушением с точки зрения этики государственной службы и может в некоторых случаях привести к заключению о нарушении статьи 34 Конвенции (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 23 сентября 1998 г. по делу Петра против Румынии [*Petra c. Roumanie*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1998-VII, стр. 2855, § 44. Тем не менее, учитывая условия, в которых происходил данный разговор, суд не считает, что он сам по себе не может рассматриваться в качестве «запугивания».

Верно, что отказ властей подчиниться временной обеспечительной мере, предписанной Европейским Судом на основании статьи 39 своего Регламента, особенно в том, что касается экстрадиции и высылки, может повлечь установление факта нарушения последней фразы статьи 34 Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маматкулов и Аскарлов против Турции» [*Mamatkulov et Askarov c. Turquie*], жалобы № 46827/99 и 4695/99, § 129, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2005 — ...). Однако в настоящем деле Суд не принимал решения о предписании подобной меры. Более того, 28 мая 2003 г. Председатель Палаты, в производстве которой находилась жалоба, отклонил соответствующее ходатайство заявителей.

В этих условиях Европейский Суд не считает, что государство-ответчик нарушило свои обязательства, вытекающие из последней фразы статьи 34 Конвенции. Из этого следует, что жалоба заявителей в данном ее пункте является явно необоснованной и должна быть отклонена на основании пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

большинством голосов

объявил неприемлемой для рассмотрения по существу жалобу заявителей в части, касающейся вопроса о нарушении требований статьи 8 Конвенции в эпизоде с их высылкой с территории Латвии;

единогласно

объявил приемлемой для рассмотрения по существу — с учетом всех обстоятельств дела — жалобу заявителей в частях, касающихся вопросов о нарушениях требований из статьи 3 и подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, а также в части, касающейся вопроса о нарушении требований статьи 8 Конвенции в отношении некоторых обстоятельств содержания заявителей под стражей;

объявил неприемлемой для рассмотрения по существу жалобу заявителей в остальных ее частях.

**Винсен Берже,
Секретарь Секции**

**Боштян Зупанчич,
Председатель Палаты**

Перевод с французского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»



Настоящий перевод выполнен и опубликован при финансовой поддержке Совета Европы